U.B.C. LIBRARIES

ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

ПРЖЕВАЛЬСКАГО

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ

STORAGE-ITEM
MAIN - LPC
LP9-F22G
U.B.C. LIBRARY

G 296
P79
P354
1889

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1889

U.B.C. LIBRARIES

ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

ПРЖЕВАЛЬСКАГО

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1889

96
4
9

Печатано согласно постановленію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества отъ 22 Декабря 1888 года.

Секретарь *Григорьевъ.*

ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

ПРЖЕВАЛЬСКАГО

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ

Нижегор...
Хрон...
1607
12 2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2
1889

Н. Пржевальский

Фототипія В. Класенъ С. Петербургъ Кіевская ул. № 7

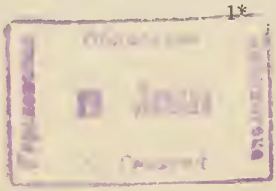
Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of British Columbia Library

http://www.archive.org/details/pamiatinikolaiam00impe

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Смерть скосила одного изъ великихъ людей XIX вѣка. 20-го октября въ городѣ Караколѣ, Семирѣченской области, на 50-мъ году жизни скончался Николай Михайловичъ Пржевальскій. Вѣсть о томъ что его не стало, прочли, безъ сомнѣнія, съ грустью не только тѣ, кто зналъ настоящую цѣну научному дѣлу покойнаго, но и вся грамотная Русь. То былъ дѣйствительно одинъ изъ ея доблестныхъ сыновъ—и по беззавѣтной любви къ родинѣ, и по чуткому пониманію русскихъ интересовъ и задачъ. Любовью къ родинѣ дышатъ всѣ его литературныя произведенія, а преданность ея интересамъ и глубокое пониманіе ихъ онъ доказалъ всею своею жизнью. Всѣ зрѣлые годы своей жизни онъ посвятилъ служенію Россіи на поприщѣ географическихъ изслѣдованій. Съ небольшими перерывами онъ странствовалъ по Азіи съ 1867 г., и смерть застала его за тѣмъ же дѣломъ. Пржевальскій пользовался громадною извѣстностью за предѣлами нашего обширнаго отечества; на Руси же, такъ или иначе, о немъ слышали и знали его по имени всѣ грамотные. Къ разсказамъ о его странствіяхъ прислушивались и тамъ, гдѣ едва ли могли подозрѣвать высокую научную цѣнность совершеннаго имъ дѣла. Эти разсказы поражали фантазію, потому что въ путешественникѣ-изслѣдователѣ какъ бы воплотился могучій духъ эпическаго богатыря. Покойный, безспорно, былъ самымъ крупнымъ путешественникомъ нашего вѣка, какъ по громадности пройденнаго имъ пространства, такъ и по богатству научныхъ результатовъ, вывезенныхъ имъ изъ своихъ путешествій; самъ онъ называлъ ихъ научными рекгносцировками и считалъ удѣлъ изслѣдователя Сред-



ней Азіи завиднымъ, хотя, по собственнымъ же его словамъ, не ковромъ тамъ постлана дорога, и не съ привѣтливою улыбкой встрѣчаетъ тамъ пустыня.

Въ четыре свои путешествія (не считая уссурійскихъ странствій) Пржевальскій прошелъ безъ малаго тридцать тысячъ верстъ (29,585). Три большіе тома живо и краснорѣчиво описываютъ исторію этихъ сказочныхъ хожденій черезъ высокія горы и песчаные долы, среди непривѣтливой природы и всевозможныхъ лишеній, въ краѣ, заповѣданномъ для европейской пытливости. О томъ, что сдѣлано было имъ для науки, неопровержимо свидѣтельствуютъ всевозможныя собранныя имъ коллекціи и другіе научные матеріалы, до сихъ поръ не вполнѣ разработанные и не приведенные окончательно въ общую извѣстность.

Путешественникомъ нужно родиться, сказалъ Пржевальскій гдѣ-то въ своей послѣдней книгѣ. Да! и прибавимъ отъ себя: такіе путешественники, какъ онъ, родятся не часто. Николай Михайловичъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ. Кто видѣлъ его передъ отъѣздомъ въ далекое путешествіе и слышалъ, съ какою увлекающею отвагой онъ говорилъ о своемъ дѣлѣ, не можетъ безъ щемящей сердечной боли читать эти простыя, исполненныя трагической правды, слова: умеръ въ Караколѣ! Да! умеръ, не довершивъ всего, что задумалъ; и хорошо задумалъ. Кому дороги успѣхи человѣческихъ знаній, тотъ не можетъ не оплакивать его преждевременную смерть.

Для полной и безпристрастной оцѣнки научныхъ трудовъ покойнаго не настало еще время; безспорно однакоже, что съ его странствіями связанъ успѣхъ во многихъ областяхъ человѣческаго знанія, но въ особенности, конечно, они были плодотворны для географіи нагорной Азіи. Въ исторіи географіи именемъ Пржевальскаго отмѣчено начало новой эпохи. Какимъ-то титаномъ прошелъ онъ по азіатскому материку, и то, что онъ повѣдалъ міру, помимо высокой научной цѣнности, не лишено въ данное время громаднаго практическаго значенія. Эти неизвѣданныя страны, безъ сомнѣнія, не закроются теперь для европейцевъ, какъ послѣ Марко Поло, опять на цѣлыя столѣтія. По общему признанію, ближайшее грядущее Азіи чревато важными перемѣнами; Азію нужно изучать, и великая заслуга Пржевальскаго состояла, между прочимъ, въ томъ, что передъ его отвагой открывались врата въ заповѣданные края. Онъ не проникъ въ Лхассу, не дошелъ до Гималая, и это очень жалко! Но русскіе могутъ утѣшиться тѣмъ, что великій починъ сдѣланъ: съ горстью русскихъ удальцовъ переговаривался, черезъ

посланцовъ, самъ Далай Лама; ихъ не то что не пустили въ Лхассу, а уговорили вернуться назадъ.

Въ своей послѣдней книгѣ покойный намѣтилъ рядъ задачъ для будущихъ изслѣдователей Средней Азіи. Это какъ бы его научное завѣщаніе. Выполненіе этого завѣщанія, хотя бы по частямъ, безъ сомнѣнія, было бы самымъ краснорѣчивымъ признаніемъ его заслугъ и самымъ яснымъ сознаніемъ величія дѣла, которому онъ служилъ.

И. Минаевъ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ
ПРЖЕВАЛЬСКІЙ

родился въ селѣ Кимборы (Смоленской губерніи) 31 марта 1839 года.

По окончаніи курса въ Смоленской гимназіи вступилъ въ военную службу рядовымъ въ Сентябрѣ 1855 г.

ПРОИЗВЕДЕНЪ ВЪ ОФИЦЕРЫ
въ Ноябрѣ 1856 г.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
5 Февраля 1864 г.

Преподаватель исторіи и географіи
въ Варшавскомъ Юнкерскомъ училищѣ
съ Декабря 1864 по Ноябрь 1866 г.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ УССУРІЙСКОМЪ КРАѢ
1867—1869 г.

СЕРЕБРЯНАЯ МЕДАЛЬ И. Р. Г. О.
за статью „Инородческое населеніе Уссурійскаго края“.
Зачисленъ по Генеральному Штабу
1869 г.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗІИ
11.100 верстъ
(Монголія, Ганьсу, Куку-Норъ, Цайдамъ и Сѣверный Тибетъ)
съ 7 Ноября 1870 г. по 19 Сентября 1873 г.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ:
Чинъ подполковника.
Пожизненная пенсія въ 600 рублей
1874 г.

КОНСТАНТИНОВСКАЯ МЕДАЛЬ И. Р. Г. Р.
1875 г.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
Парижскаго Географическаго Общества
1876 г.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗІИ
(Отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ)
съ 12 Августа 1876 по 20 Декабря 1877 г.

ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА:
Чинъ полковника
1878 г.

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕНЪ
Императорской Академіи Наукъ.
Императорскаго Ботаническаго сада.
1878 г.

МЕДАЛЬ ИМЕНИ ГУМБОЛЬДТА
Берлинскаго Географическаго Общества.
1878 г.

КОРОЛЕВСКАЯ МЕДАЛЬ
Лондонскаго Географическаго Общества.
1879 г.

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗІИ
7.180 верстъ.
(Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки)
съ 21 Марта 1879 по 19 Октября 1880 г.

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕНЪ
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
3 декабря 1880 г.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ:
Орденъ Св. Владиміра 3-й степени.
Прибавка въ 600 рублей къ прежней пожизненной пенсіи.
Членъ Военно-ученаго Комитета Главнаго Штаба.
1881 г.

ПОЧЕТНЫЙ ДОКТОРЪ ЗООЛОГІИ
Императорскаго Московскаго Университета.
1881 г.

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕНЪ
Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.
С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей.
Уральскаго Общества Любителей Естествознанія.
Вѣнскаго Географическаго Общества.
1881 г.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИНЪ
С.-Петербурга и Смоленска.
1881 г.

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕНЪ
Венгерскаго Географическаго Общества.
1882 г.

ЧЕТВЕРТОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗІИ
7.325 верстъ.
(Отъ Кяхты на истоки Желтой руки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-Норъ по бассейну Тарима)
съ 8 Ноября 1883 по 20 Октября 1885 г.

МЕДАЛЬ „ВЕГА“
Стокгольмскаго Географическаго Общества
1884 г.

БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
Итальянскаго Географическаго Общества.
1885 г.

ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА
Чинъ генералъ-маіора.
1886 г.

ИМЕННАЯ МЕДАЛЬ
отъ Императорской Академіи Наукъ
„Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи“.
1886 г.

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕНЪ
Императорскаго Московскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.
1886 г.

ПОСТАНОВЛЕНІЕМЪ СОВѢТА И. Р. Г. О.
одинъ изъ открытыхъ Н. М. Пржевальскимъ горныхъ хребтовъ наименованъ
ХРЕБТОМЪ ПРЖЕВАЛЬСКАГО
1887 г.

Выступилъ изъ Петербурга
въ пятое путешествіе по Центральной Азіи
18 Августа 1888 г.

Скончался въ городѣ Караколѣ
20 Октября 1888 г.

Согласно выраженному желанію
и съ Высочайшаго разрѣшенія преданъ землѣ
на пустынномъ берегу Иссыкъ-куля
22 октября 1888 г.

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ
открыта всероссійская подписка на премію и медаль
имени Н. М. Пржевальскаго
при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

РѢЧИ

произнесенныя въ чрезвычайномъ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

9 ноября 1888 г.

ПОСВЯЩЕННОМЪ ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

РѢЧЬ ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ И. Р. Г. О.

П. П. СЕМЕНОВА.

Милостивые Государи!

20-го октября не стало Николая Михайловича Пржевальскаго. Тяжкая болѣзнь въ пять дней унесла въ могилу этого мощнаго тѣломъ и духомъ русскаго богатыря, память о которомъ долго будетъ жить въ легендарныхъ почти разсказахъ полудикихъ племенъ Нагорной Азіи. Схватилъ онъ, повидимому, тифозную горячку еще при проѣздѣ своемъ черезъ Пишпекъ, гдѣ, разгорячившись на охотѣ, выпилъ холодной воды изъ источника и продрогъ на холодномъ вѣтру въ отсырѣвшей одеждѣ. Но на этотъ инцидентъ онъ не обратилъ вниманія и, какъ многіе мощные организмы, выдерживалъ опасную болѣзнь на ногахъ, не подозрѣвая даже, что былъ боленъ. Въ Караколѣ Н. М. усердно занимался сборомъ экспедиціи, ходилъ на охоту, жилъ въ юртѣ и только послѣ 15 октября пришелъ къ сознанію, что боленъ и обратился къ медицинской помощи. Но

было уже поздно. Организмъ больного, повидимому, не выдержалъ чрезмѣрнаго повышенія температуры крови, и нашего великаго путешественника не стало.

Н. М. пожелалъ быть похороненнымъ на берегахъ Иссыкъ-куля и желаніе это, съ Высочайшаго на то соизволенія, исполнено. По Высочайшей волѣ, надъ одинокою этою могилою будетъ поставленъ прекрасный памятникъ изъ мѣстнаго (Кескеленскаго) мрамора.

Мѣстность, въ которой находится могила Пржевальскаго, отстоитъ въ 12 верстахъ отъ города Каракола на твердой береговой террасѣ, отдѣленной отъ озера низкимъ береговымъ припаемъ. Мѣстность эта хорошо мнѣ знакома: она такъ врѣзалась неизгладимыми чертами въ моей памяти, что я какъ бы вижу ее передъ собою, обращаясь отъ только что закрывшейся могилы къ завѣтному югу. Широко раскинулась вправо синяя поверхность необъятнаго къ западу озера. Впереди высится горная стѣна Небеснаго хребта, образующая вправо окраину озера, увѣнчанную непрерывнымъ рядомъ снѣжныхъ вершинъ. Чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ ближе прикасается этотъ бѣлоснѣжный вѣнецъ къ синей поверхности озера, а на его оконечности снѣжныя вершины кажутся какъ бы утопающими въ волнахъ Иссыкъ-куля.

Этотъ величественный рядъ закутанныхъ въ бѣлоснѣжные саваны великановъ стоитъ на стражѣ дорогой намъ могилы, обозначая собою ту грань русской земли, за предѣлы которой нашъ славный путешественникъ дѣлалъ свои отважные набѣги въ почти невѣдомыя до него въ научномъ отношеніи страны. Изъ-за этой грани привозилъ онъ намъ богатую добычу планшетовъ, записей и естественно-историческихъ коллекцій. Несравненно дороже серебра и золота, которое такъ бережливо тратилъ онъ на свои экспедиціи, была эта добыча, такъ какъ она представляетъ собою тотъ драгоцѣнный матеріалъ, изъ котораго, впослѣдствіи, кропотливымъ трудомъ ученыхъ въ ихъ кабинетахъ, постоянно достраивается и ремонтируется величественное общечеловѣческое зданіе науки.

Не могли мы усыпать дорогую намъ могилу сплошнымъ ковромъ любимыхъ съ ранняго дѣтства Пржевальскимъ цвѣтовъ, не могли положить въ ея изголовьи того лавроваго вѣнка, которымъ украшенъ находящійся передъ вами его портретъ, но собрались сегодня въ той самой, родной ему по духу, средѣ, въ которой постепенно созидалась его слава и которая такъ дружно его поддерживала и давала просторъ его широкимъ стремленіямъ,—собрались для того, чтобы

почтить память Пржевальскаго воспоминаніями о дорогомъ усопшемъ.

Въ глубокой древности на берегахъ Нила существовалъ трогательный обычай. Лишь только умиралъ человѣкъ, оказавшій безсмертныя услуги своей странѣ, собирались въ его память всѣ кому близко были извѣстны и заслуги и личность усопшаго и давали они свободно и безпристрастно свои свидѣтельскія о немъ показанія, въ силу которыхъ лучшимъ людямъ страны ставились тѣ величественные памятники, которые и до нынѣ возвѣщаютъ всему міру о славѣ великихъ людей древняго Египта.

Сегодня мы послѣдуемъ этому примѣру. Вслѣдъ за мною взойдутъ на каѳедру нѣкоторые изъ тѣхъ достойныхъ ученыхъ, которые непосредственно разрабатываютъ собранные Пржевальскимъ богатые для науки матерьялы и по роду своихъ занятій ближе другихъ могутъ безпристрастно и авторитетно оцѣнить результаты его многолѣтней дѣятельности, какъ путешественника и натуралиста.

Говорить о Пржевальскомъ можно, разумѣется, безконечно много, но едва ли о немъ можно сказать много такого, что было бы еще неизвѣстно вамъ, Милостивые Государи. Вотъ почему, и я постараюсь только набросать или, лучше сказать, напомнить вамъ въ самыхъ крупныхъ чертахъ несложныя обстоятельства его жизни, съ единственною цѣлью выяснить психологическій процессъ развитія этой, выдающейся совершеннымъ особнякомъ, личности, представляющей самое рѣдкое, счастливое и гармоническое сочетаніе необыкновенной даровитости и неимовѣрной энергіи и силы воли. Съ этой точки зрѣнія анализъ духовнаго развитія Пржевальскаго представляетъ, конечно, всеобщій и высокій интересъ.

Н. М. родился 31 марта 1839 г. въ сельцѣ Кимборово, родовомъ имѣніи своего дѣда по матери, Смоленскаго уѣзда, въ 39 верстахъ отъ города, на юго-востокъ въ направленіи къ Рославлю, въ мѣстности очень лѣсистой. Происходилъ онъ изъ стараго дворянскаго рода, родоначальникомъ котораго былъ запорожскій казакъ Корнилій Паровальскій. Этотъ Корнилій поступилъ на службу королей польскихъ въ XVI вѣкѣ, отличился на поляхъ битвы, былъ награжденъ дворянскимъ достоинствомъ, жалованъ королями помѣстьями въ нынѣшней Витебской губерніи и, по польской транскрипціи своего имени, сталъ называться Пржевальскимъ. Послѣ возврата Бѣлорусскихъ земель Россіи родъ Пржевальскихъ обрусѣлъ снова, вошелъ въ число дворянскихъ родовъ Тверской губерніи и возвратился къ пра-

вославію. Отецъ Н. М. былъ помѣщикъ, отставной штабсъ-капитанъ и умеръ, когда старшему его сыну Н. М. было только 5 лѣтъ. Дворянское гнѣздо Пржевальскихъ усадьба Отрадное, выселокъ сельца Кимборова, было просторно (около 1000 десятинъ, изъ нихъ болѣе половины подъ лѣсными зарослями), но далеко не роскошно, такъ какъ съ 105 душъ въ Смоленской губерніи доходы на большую семью были не особенно достаточны. Воспитывала Н. М. умная мать, рожденная Каретникова, предметъ самой нѣжной сыновней его любви въ зрѣлые его годы. Воспитывала она своихъ дѣтей по спартански, держала строго, выписывала на скудныя средства учителей изъ Смоленска, но давала даровитому и живому мальчику много свободы и простора. Онъ могъ выходить изъ дому во всякую погоду, блуждать вдоволь по лѣсамъ и болотамъ и очень рано пристрастился къ охотѣ, а еще болѣе страстно полюбилъ природу. Не особенно нравились Н. М. уроки грубыхъ и, въ общемъ образовательномъ смыслѣ, невѣжественныхъ учителей, выписываемыхъ изъ Смоленска; только одинъ между ними принесъ дѣйствительную пользу талантливому мальчику. Болѣе уроковъ интересовали его сказки его любимой няни, заимствованныя изъ народныхъ преданій и въ особенности ея разсказы объ „Иванѣ, великомъ охотникѣ“.

Въ 1849 году Пржевальскаго отвезли въ Смоленскъ въ гимназію, гдѣ онъ и оставался до полнаго окончанія курса въ 1855 г. Чѣмъ была въ то время эта гимназія, въ которой сѣчь учениковъ по субботамъ, заставлять ихъ зубрить уроки отъ такого-то до такого-то слова было обычнымъ педагогическимъ пріемомъ, а къ менѣе обычнымъ относилось тасканіе учениковъ за волосы не всегда трезвыми учителями, о томъ можно составить себѣ ясное представленіе изъ интереснаго автобіографическаго разсказа самого Пржевальскаго, напечатаннаго М. И. Семевскимъ въ Русской Старинѣ [1]) уже послѣ кончины Н. М.

Какъ и слѣдуетъ ожидать, талантливый мальчикъ учился хорошо и въ этихъ условіяхъ и былъ даже первымъ ученикомъ, но вмѣстѣ тѣмъ ускользавшимъ отъ суровой дисциплины провинціальныхъ педагоговъ сорванцомъ. Его даже чуть не исключили изъ 6-го класса гимназіи за то, что онъ, по желанію товарищей, стащилъ у учителя ненавистный имъ списокъ съ придирчивыми отмѣтками объ ихъ поведеніи и бросилъ его въ Днѣпръ.

Но и въ тяжеломъ для даровитаго мальчика гимназическомъ

[1]) Ноябрьская книжка за 1888 г.

періодѣ его жизни были свѣтлыя точки. Съ удовольствіемъ вспоминалъ онъ о разумномъ и добромъ священникѣ-законоучителѣ, о талантливыхъ лекціяхъ учителя исторіи, но всего болѣе о продолжительности лѣтнихъ вакацій, тянувшихся отъ мая до октября. Въ это время Н. М., со страстнымъ увлеченіемъ будущаго путешественника и натуралиста, блуждалъ по дикимъ лѣсамъ, проводя въ нихъ цѣлые дни, читалъ путешествія и зоологическія книги, а главное наблюдалъ по своему, и притомъ совершенно самобытно, живо интересовавшія его явленія природы.

Въ этотъ-то возрастъ (отъ 10 до 16 лѣтъ) и сложился тотъ своеобразный характеръ Пржевальскаго, который обусловилъ собою всю дальнѣйшую его участь. По окончаніи гимназическаго курса Н. М. не послѣдовалъ примѣру лучшаго друга своего дѣтства, горячо любимаго и талантливаго своего брата Владиміра Михайловича и не пошелъ въ университетъ; надоѣли ли ему непривлекательные въ то время педагогическіе порядки, увлекался ли онъ чтеніемъ живо написанной книги „Воинъ безъ страха", или думалъ найти въ полковыхъ передвиженіяхъ и въ будущихъ военныхъ походахъ наиболѣе соотвѣтствующее приложеніе своей подвижной и дѣятельной натурѣ, своему избытку молодыхъ силъ, но 16 лѣтній юноша, съ характерною своею настойчивостью, пошелъ въ юнкера въ Бѣлевскій полкъ.

Въ новыхъ для него условіяхъ военной службы въ армейскомъ полку, въ мирное время, Пржевальскій, столкнувшись лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, встрѣтилъ однако же цѣлый рядъ грустныхъ разочарованій самаго тяжкаго нравственнаго свойства. Юноша-богатырь спасался отъ этихъ разочарованій только тѣмъ, что уходилъ одинъ съ своимъ ружьемъ въ темный лѣсъ и нерѣдко тамъ горько плакалъ! Но утѣшительницею Пржевальскаго въ глубоко, деликатно прочувствованномъ имъ горѣ являлась та вѣчно юная красавица природа, которая вездѣ и всегда такъ охотно принимала его въ свое лоно, въ свои объятія, разсыпала на его пути свои незамѣтныя для глаза незнакомыхъ съ нею неисчерпаемыя богатства, раскрывала передъ нимъ страницы той книги, въ которыхъ онъ понемногу научился читать, очаровывала его своею вѣчно подвижною, поэтическою прелестью, безпрерывно обновляющеюся со всякою перемѣною мѣста и времени, дня и года. Всему высокому, всему прекрасному научился богато одаренный юноша въ лонѣ матери-природы; ея непосредственному вліянію обязанъ онъ и нравственною чистотою и дѣтскою простотою своей прекрасной души, и

тонкою наблюдательностью своего ума, и своею неутомимою силою и энергіею въ борьбѣ съ физическими и духовными препятствіями, и замѣчательнымъ здоровьемъ души и тѣла, и безпредѣльною своею преданностью наукѣ и отечеству. Въ теченіе всей дальнѣйшей своей жизни Н. М. Пржевальскій не разорвалъ своей связи съ своею смоленскою родиною, съ тѣмъ дорогимъ ему уголкомъ земли, гдѣ прошло его беззаботное дѣтство, гдѣ природа въ юношескіе его годы выработала изъ него, почти безъ посторонней помощи, все то, что сдѣлало его однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей своего времени и своего отечества. Мощному развитію всего духовнаго организма Пржевальскаго весьма много способствовало то обстоятельство, что онъ до конца дней своихъ имѣлъ свои корни въ родной землѣ и не далъ пересадить ихъ окончательно въ душную, искусственную, тепличную атмосферу столичныхъ или вообще городскихъ хоромъ.

Черезъ полгода юнкерства Пржевальскій былъ произведенъ въ офицеры въ Полоцкій полкъ, но и новая обстановка его полковой жизни не показалась ему особенно привлекательною, хотя онъ всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ о своихъ добрыхъ товарищахъ, офицерахъ Полоцкаго полка. Очень скоро пришелъ Н. М. къ сознанію недостаточности своего научнаго образованія и, съ свойственною ему энергіею, быстро и настойчиво приготовился къ экзамену, и въ 1861 г. поступилъ въ Военную Академію, выдержавъ экзаменъ однимъ изъ лучшихъ. Но военныя науки не чрезмѣрно интересовали будущаго путешественника, а на съемкѣ онъ до того увлекался охотою, что не окончилъ своего планшета, да и планшетъ-то вышелъ грязный. За то сочиненіе его (Амурскій край), имѣвшее по преимуществу географическій характеръ, вышло очень хорошо, такъ какъ оно основано было на самомъ дѣльномъ и тщательномъ изученіи источниковъ, а главное на самомъ тонкомъ пониманіи природы страны. Сочиненіе это, вмѣстѣ съ помѣщенною въ журналѣ статьею его „Воспоминанія охотника“ были для него первыми пробами пера. Въ 1863 г., съ началомъ польскаго возстанія, Пржевальскій принялъ предложеніе отправиться, вмѣсто съемки, на театръ войны въ Польшу, съ правами окончившаго курсъ наукъ въ академіи по 2-му разряду. Здѣсь, въ качествѣ адъютанта, Пржевальскій участвовалъ въ экспедиціи противъ польскихъ повстанцевъ.

Въ 1864 г. въ умѣ молодого офицера окончательно созрѣла рѣшимость отправиться при первомъ удобномъ случаѣ въ дальнее путешествіе; съ свойственною ему энергіею онъ началъ приготов-

лять себя къ нему еще болѣе серьезнымъ, чѣмъ прежде, изученіемъ зоологіи и ботаники и былъ избранъ въ члены Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Перейдя въ томъ же году дежурнымъ офицеромъ и преподавателемъ въ юнкерское училище въ Варшаву, Пржевальскій посвятилъ три года на свою научную подготовку къ предстоявшей ему дѣятельности, которую, наконецъ, дозволило ему осуществить состоявшееся въ 1867 г., при содѣйствіи помощника начальника главнаго штаба, генерала Мещеринова, назначеніе его въ штабъ восточно-сибирскаго военнаго округа.

Въ 1867 же году я впервые познакомился съ Н. М. Черезъ мое посредство (я былъ въ то время предсѣдателемъ Отдѣленія физической географіи) онъ обратился тогда въ первый разъ за помощью и покровительствомъ къ Императорскому Русскому Географическому Обществу, объяснивъ мнѣ свои намѣренія заняться путешествіемъ въ Средней Азіи. Въ то время Общество крайне рѣдко помогало матерьяльными средствами молодымъ путешественникамъ, отправлявшимся въ путешествія по собственной иниціативѣ, можетъ быть потому, что такая иниціатива проявлялась еще слишкомъ рѣдко, но отъ времени до времени оно снаряжало свои экспедиціи, подбирая въ составъ ихъ исключительно лицъ уже извѣстныхъ своими научными трудами и рекомендуемыхъ организаторами экспедицій. Н. М. Пржевальскій былъ въ научномъ мірѣ еще совершенно неизвѣстною величиною и дать пособіе ему на его предпріятіе, а тѣмъ болѣе организовать подъ его руководствомъ цѣлую экспедицію, Совѣтъ Общества не рѣшился. Въ качествѣ предсѣдательствующаго въ отдѣленіи и въ глубокой увѣренности, что изъ талантливаго молодого человѣка можетъ выйти замѣчательный путешественникъ, я, однако же, старался ободрить Н. М. и теплымъ участіемъ, и рекомендательными письмами къ моему старому другу генералъ-губернатору Корсакову и предсѣдателю нашего сибирскаго отдѣла и начальнику штаба сибирскихъ войскъ, умному и дѣльному генералу Кукелю. При этомъ я обѣщалъ Н. М., что если онъ на собственныя средства сдѣлаетъ какія бы то ни было интересныя поѣздки и изслѣдованія въ Усурійскомъ краѣ, которыми докажетъ свою способность къ путешествіямъ и географическимъ изслѣдованіямъ, то, по возвращеніи изъ Сибири, онъ можетъ надѣяться на организацію со стороны Общества, подъ его руководствомъ, болѣе серьезной экспедиціи въ Среднюю Азію.

Новый непосредственный начальникъ Пржевальскаго, просвѣщен-

ный генералъ Кукель встрѣтилъ его благосклонно и нашелъ возможнымъ дать ему командировку въ Усурійскій край. Въ теченіе болѣе года (1868—1869) боролся Н. М. со всѣми возможными трудностями, опасностями и лишеніями, блуждая и охотясь по дебрямъ и лѣсамъ Усурійскаго края. Результатомъ его трудовъ было первое прекрасное и талантливое его сочиненіе „Путешествіе въ Усурійскомъ краѣ", изданное въ 1870 году съ трогательнымъ посвященіемъ „дорогой матери". Уже осенью 1869 возвратился Пржевальскій въ Петербургъ, и Императорское Русское Географическое Общество присудило ему первую, конечно, еще скромную почетную награду —серебряную медаль, причисливъ его съ этой поры къ своимъ непосредственнымъ дѣятелямъ.

Въ зиму 1869—1870 г. Пржевальскій сдѣлался въ нашемъ общественномъ кругу своимъ человѣкомъ. Слово, мною ему данное, было исполнено. По нашему взаимному соглашенію выработанъ былъ планъ его первой экспедиціи во внутреннюю Азію. Ордосъ, Ганьсу и Амдосское нагорье были избраны полемъ его дѣятельности, какъ географа-натуралиста. Особенное вниманіе будущаго путешественника было обращено на природу узкой полосы Ганьсуйской провинціи, далеко вторгающуюся въ нагорную Азію между исполинскими горными хребтами, на склоны и долины этихъ хребтовъ и на Голубое озеро (Куку-норъ). Экспедиція была снаряжена исключительно на скудныя средства Географическаго Общества (она обошлась до 7000 р.) и была поставлена подъ просвѣщенное покровительство тогдашняго русскаго посланника въ Китаѣ, Александра Георгіевича Влангали. Благодаря этому дѣятельному покровительству и своей отважной энергіи. Пржевальскій, съ тремя только спутниками, совершилъ съ 1870 по 1873 г. цѣлый рядъ блестящихъ и невѣроятныхъ географическихъ подвиговъ, прославившихъ сразу его имя и вернулся черезъ Кяхту въ Петербургъ въ исходѣ 1873 г., а въ январѣ 1874 г. Общество присудило ему высшую свою награду—Константиновскую медаль. Съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ Пржевальскому и военное министерство и главный штабъ, къ которому онъ былъ причисленъ по ходатайству Августѣйшаго нашего Предсѣдателя, и гдѣ онъ скоро сдѣлался своимъ человѣкомъ.

Въ нашей средѣ, Милостивые Государи, передъ вами, можно сказать, совершалась съ 1868 г., въ теченіе цѣлаго 20-лѣтія, вся славная дѣятельность Пржевальскаго, съ нами дѣлился онъ первыми впечатлѣніями четырехъ великихъ своихъ путешествій вглубь Азіи, передъ

нами писалъ онъ, съ свойственною ему талантливостью, въ промежуткахъ своихъ путешествій свои томы, многимъ изъ васъ, присутствующихъ, передавалъ онъ для научной разработки собранные драгоцѣнные матерьялы, съ нами составлялъ онъ смѣлые планы новыхъ путешествій, при нашемъ дѣятельномъ содѣйствіи снаряжался онъ въ свои экспедиціи. Однимъ словомъ, его дѣятельность въ теченіе цѣлаго 20-лѣтія до такой степени сплелась съ дѣятельностью Географическаго Общества, что лавры его вѣнка суть вмѣстѣ съ тѣмъ лучшіе лавры почти полувѣковой дѣятельности нашего Общества.

Поэтому едва ли я могу сказать вамъ что либо новое о хорошо знакомыхъ вамъ четырехъ путешествіяхъ Пржевальскаго, результаты которыхъ, обнародованные въ его четырехъ сочиненіяхъ, переведены на всѣ почти европейскіе языки. Напомню Вамъ только, что въ теченіе своихъ путешествій Пржевальскій прошелъ маршрутною съемкою до 30 тысячъ верстъ, опредѣлилъ въ Средней Азіи 63 астрономическихъ пункта, въ томъ числѣ 29 пунктовъ по долготѣ и опредѣлилъ высоту 231 пункта. Если принять въ соображеніе, что пути Пржевальскаго по Средней Азіи образуютъ цѣлую сѣть, широко раскинувшуюся между меридіанами Пекина и Хотана и между параллелями Алтая и верховьевъ Голубой рѣки, то можно сдѣлать себѣ ясное представленіе о географическомъ значеніи его путешествій.

Что же касается до значенія и интереса сообщаемыхъ Пржевальскимъ въ своихъ сочиненіяхъ свѣдѣній, то достаточнымъ мѣриломъ имъ служитъ всеобщее вниманіе, возбужденное путешествіями Пржевальскаго какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Извѣстно вамъ, конечно, Милостивые Государи, что Пржевальскій удостоился всѣхъ высшихъ наградъ со стороны всѣхъ географическихъ обществъ, но не всѣмъ извѣстны тѣ отзывы, которыми сопровождались эти награды, а отзывы эти представляютъ для насъ нѣкоторый интересъ, какъ мнѣнія весьма компетентныхъ въ географической наукѣ иностранцевъ о дорогомъ и родномъ намъ дѣятелѣ въ этой наукѣ.

Приведу прежде всего отзывъ барона Рихтгофена, знаменитаго геолога и путешественника по Китаю, предсѣдателя Берлинскаго Географическаго Общества, по рецензіи котораго состоялось въ пользу Пржевальскаго присужденіе большой Гумбольдтовской медали, первое по ея учрежденіи. Отзывъ Рихтгофена тѣмъ болѣе безпристрастенъ, что между нимъ и Пржевальскимъ была интересная и весьма поучительная по своей объективности полемика о Лобъ-

Норѣ. Рихтгофенъ, свидѣтельствуя о томъ, что ни одинъ отдѣльный путешественникъ не расширилъ нашихъ познаній о Центральный Азіи въ такой мѣрѣ какъ Пржевальскій, прямо и притомъ въ двухъ мѣстахъ своей рецензіи признаетъ его геніальнымъ путешественникомъ, обладающимъ необыкновенною наблюдательностью. Говоря объ одномъ изъ этнографическихъ очерковъ Пржевальскаго, Рихтгофенъ признаетъ очеркъ этотъ одною изъ самыхъ интересныхъ и привлекательныхъ этнографическихъ картинъ, какія только встрѣчаются въ современныхъ путешествіяхъ. Въ частности, говоря объ Алтынъ-тагѣ, Рихтгофенъ признаетъ научное открытіе Пржевальскаго этого хребта поразительнѣйшимъ географическимъ открытіемъ, имѣющимъ одинаково важное значеніе какъ для географіи, такъ и для уразумѣнія средне-азіатскихъ народныхъ сношеній.

Президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, при присужденіи Пржевальскому еще въ 1879 году высшей награды, находящейся въ распоряженіи общества, высказалъ мнѣніе, что путешествіе Пржевальскаго по странѣ Тангутовъ и Сѣверному Тибету превосходитъ все то, что было обнародовано со временъ Марко-Поло и ставитъ одинаково высоко заслуги Пржевальскаго какъ географа и какъ натуралиста; при этомъ г-нъ Алькокъ очень удачно догадывается, что побудила Пржевальскаго предпринять свои отважныя и опасныя путешествія его энтузіастическая любовь къ природѣ. Но если это такъ, прибавляетъ президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, то тѣмъ болѣе чести Пржевальскому за то, что ему удалось привить къ своей страсти всѣ достоинства ученаго географа и самаго счастливаго и отважнаго изслѣдователя странъ неизвѣстныхъ.

Президентъ Шведскаго географическаго общества, которое въ присутствіи своего просвѣщеннаго и любящаго географическую науку государя, присудило Пржевальскому свою высшую награду, медаль Веги, послѣ того, какъ та же награда присуждена была знаменитымъ шведскимъ путешественникамъ, Норденшельду и Паландеру, и не менѣе знаменитому изслѣдователю внутренней Африки Стэнли, поставилъ эти четыре имени въ первомъ ряду современныхъ путешественниковъ и выразилъ при этомъ свое глубокое сочувствіе къ тому правительству, которое такъ великодушно содѣйствовало снаряженію экспедицій Пржевальскаго и тому обществу, которое снаряжаетъ его экспедиціи и съ такою честью представляетъ свою страну въ географической наукѣ.

Этихъ трехъ отзывовъ достаточно для того, чтобы охарактеризовать мнѣнія о Пржевальскомъ ученыхъ обществъ въ Западной Европѣ. Свидѣтельскія же показанія нашихъ почтенныхъ ученыхъ, которымъ ближе всего извѣстны матерьялы, собранные Пржевальскимъ, вы, Милостивые Государи, услышите послѣ моей вступительной рѣчи. Они же сообщатъ вамъ и то, что до сихъ поръ представляется еще мало извѣстнымъ какъ для нашей общественной среды, такъ и для всей образованной публики, а именно о главныхъ результатахъ естественно-историческихъ изслѣдованій Пржевальскаго, особливо по двумъ излюбленнымъ его областямъ, а именно зоологіи позвоночныхъ животныхъ и ботаникѣ. Къ обзору этому, составленному академиками Максимовичемъ и Штраухомъ, мнѣ остается сказать еще нѣсколько дополнительныхъ словъ относительно зоологіи безпозвоночныхъ животныхъ, никогда не входившей собственно въ кругъ спеціальныхъ занятій Пржевальскаго, какъ натуралиста.

Небольшую коллекцію насѣкомыхъ собралъ Пржевальскій во время своего перваго путешествія въ Ордосѣ, Ганьсу и Амдо.

Передана она была, по иниціативѣ Географическаго Общества, вмѣстѣ съ другими зоологическими коллекціями въ Академію Наукъ, но никогда не была вполнѣ разработана, по совершенной недостаточности рабочихъ силъ и средствъ для разработки громаднаго матерьяла, накопляющагося въ энтомологическомъ отдѣлѣ Академическаго музея. Почтенный консерваторъ этого отдѣла д-ръ Моравицъ однакоже воспользовался матерьяломъ Пржевальскаго, въ нѣкоторыхъ своихъ превосходныхъ монографіяхъ и въ особенности въ прекрасномъ своемъ трудѣ о жужелицахъ (родъ Carabus) Средней Азіи, которому сборъ Пржевальскаго доставилъ нѣсколько новыхъ и чрезвычайно интересныхъ формъ.

Въ послѣдующихъ своихъ путешествіяхъ, а именно второмъ и третьемъ, Пржевальскій совсѣмъ не производилъ сбора безпозвоночныхъ животныхъ и только въ четвертомъ, по усиленной моей просьбѣ, согласился сдѣлать лично для меня энтомологическій сборъ въ свободныя отъ другихъ занятій экспедиціи минуты.

Сборъ этотъ былъ сдѣланъ, уложенъ и перевезенъ съ идеальною тщательностью, но онъ не великъ и едва превышаетъ 300 видовъ изъ всѣхъ отрядовъ насѣкомыхъ и хотя самая фауна средней нагорной Азіи сравнительно не богата и довольно однообразна, но всетаки сборъ этотъ, по моему разсчету, едва ли обнимаетъ болѣе 10 или 15% всей энтомологической фауны страны. За то научное значеніе этого матерьяла чрезвычайно велико. Я прило-

жилъ всѣ старанія, чтобы сборъ этотъ былъ обработанъ въ возможно непродолжительномъ времени и, въ виду существующей во всей Европѣ крайней спеціализаціи въ обширной области энтомологіи, вынужденъ былъ раздать сборъ Пржевальскаго, для научной обработки прежде всего русскимъ спеціалистамъ, по тѣмъ семействамъ, за которыя они взялись, а за отсутствіемъ ихъ и лучшимъ иностраннымъ, но съ неизмѣннымъ условіемъ доставлять свои статьи, касающіяся сборовъ Пржевальскаго, въ Записки Русскаго Энтомологическаго Общества, съ удовольствіемъ взявшагося за ихъ напечатаніе.

Интересъ результатовъ этой работы превзошелъ всѣ мои ожиданія. Болѣе половины собранныхъ Пржевальскимъ видовъ оказались новыми и доселѣ неизвѣстными видовыми формами. Даже новыхъ родовъ оказался цѣлый десятокъ. Особенное обиліе новыхъ неизвѣстныхъ и слѣдовательно, чисто мѣстныхъ формъ оказалось въ тѣхъ отрядахъ и семействахъ насѣкомыхъ, которые не имѣютъ большой силы полета. Разительный тому примѣръ представляетъ отрядъ сѣтчатокрылыхъ. Изъ нихъ семейство Odonates—настоящія стрекозы характеризуются изъ всѣхъ насѣкомыхъ самымъ быстрымъ и сильнымъ полетомъ и всѣ собранные виды этого семейства (числомъ 12) оказались извѣстными и общераспространенными породами, а именно 10 въ Европѣ и 2 въ Малой Азіи и Туркестанѣ. За то между остальными сѣтчатокрылыми изъ семейства Perlidae, муравьиныхъ львовъ и Trichoptera, имѣющихъ слабыя крылья и невысокій полетъ, двѣ трети оказались новыми видами.

Въ отрядѣ союзокрылыхъ (Hymenoptera), въ обладающемъ хорошимъ полетомъ и независящемъ отъ цвѣточной пищи семействѣ Sphaegidae, пропорція новыхъ, т. е. мѣстныхъ видовъ оказалась менѣе $^1/_3$, а въ живущихъ на цвѣтахъ семействахъ пчелиныхъ та же пропорція оказалась уже не много менѣе половины.

Въ обширномъ отрядѣ твердонадкрыльчатыхъ (Coleoptera) большею частью имѣющихъ тяжелый полетъ, а иногда вовсе безкрылыхъ, оказалось болѣе 60% новыхъ, т. е. мѣстныхъ видовъ, а въ родахъ и семействахъ безкрылыхъ эта пропорція возрасла до своего maximum'а, а именно въ родѣ жужелицъ (Carabus) $^5/_6$, а въ семействѣ Tenebrionidae всѣ 23 вида, найденные Пржевальскимъ, оказались новыми, т. е. мѣстными.

Въ общемъ своемъ характерѣ энтомологическая фауна центральной Азіи оказалась принадлежащей къ области палеарктической, т. е. той, которая распространяется отъ Атлантическаго океана черезъ всю Европу и Сибирь до Восточнаго океана и не имѣетъ

ничего общаго съ фаунами тропическихъ и субтропическихъ частей Азіатскаго материка. Въ частности очень хорошо отличаются по сбору Пржевальскаго два отдѣльные округа палеарктической области—Амдоское нагорье и Китайскій Туркестанъ.

Во второй изъ этихъ областей, обнимающихъ ровныя плоскогорія и оазисы средней Азіи, энтомологическая фауна представляется какъ бы родною сестрою фауны Арало-Каспійской низменности, а вмѣстѣ съ нею двоюродною сестрою фауны бассейна Средиземнаго моря. Нѣсколько своеобразнѣе представляется энтомологическая фауна Амдоскаго нагорья, имѣющая болѣе сродства съ фауною горныхъ мѣстностей Средней Европы, а тѣмъ болѣе Сѣверной Азіи, чѣмъ съ фауною Средиземнаго бассейна и Арало-Каспійской низменности, при чемъ, однакоже, различія между Амдоскою и Европейскою фауною значительнѣе, чѣмъ между фаунами Европы и Амурскаго и Приморскаго края.

Сказаннаго мною достаточно чтобы охарактеризовать значеніе энтомологическаго сбора Пржевальскаго. Сборъ этотъ собственно выходилъ изъ круга намѣченныхъ имъ задачъ. Случайно, болѣе ради дружбы, чѣмъ по особому влеченію, приподнимаетъ въ области энтомологіи нашъ знаменитый путешественникъ только уголокъ завѣсы, скрывающей отъ насъ внутренность величайшаго изъ материковъ земного шара, и глазамъ удивленныхъ испытателей открывается цѣлый міръ новыхъ, невѣдомыхъ имъ формъ и біологическихъ явленій.

Не полонъ былъ бы мой краткій біографическій очеркъ, еслибы я не упомянулъ съ благоговѣйною признательностью о трогательной благосклонности къ Пржевальскому всей Царской семьи.

Прежде всѣхъ изъ Высочайшихъ особъ познакомились съ Пржевальскимъ, разумѣется, Августѣйшій нашъ Предсѣдатель и слѣдившая съ особенною любовью за успѣхами въ Россіи наукъ и искусствъ покойная Великая Княгиня Елена Павловна. Они сразу оцѣнили выдающіяся достоинства Пржевальскаго и всегда относились къ нему съ неизмѣнною благосклонностью. Уже послѣ перваго своего путешествія, въ концѣ зимы 1874 года, Пржевальскій имѣлъ счастіе представлять въ Бозѣ почившему Государю свои картографическія работы и собранныя имъ коллекціи, видимо заинтересовавшія Государя, тогда же выразившаго свое благоволеніе къ Пржевальскому производствомъ его въ подполковники, пожалованіемъ ему пожизненной пенсіи, и пріобрѣтеніемъ, по ходатайству Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, коллекціи Прже-

вальскаго для музея Академіи наукъ, наконецъ, въ щедромъ дарованіи Географическому Обществу средствъ на снаряженіе послѣдующихъ экспедицій Пржевальскаго. Но особенно усилилось благоволеніе въ Бозѣ почившаго Государя къ Пржевальскому по возвращеніи его изъ третьяго его путешествія. Императоръ Александръ II произвелъ Пржевальскаго въ полковники, усилилъ его пенсію и не только со вниманіемъ осматривалъ его коллекціи и слушалъ его разсказы, но пожелалъ видѣть его доблестныхъ спутниковъ изъ нижнихъ чиновъ и самъ соблаговолилъ пожаловать имъ за храбрую защиту своего доблестнаго начальника въ стычкѣ съ разбойничьими племенами Амдоскаго нагорья георгіевскіе кресты.

Столь же внимательно и благосклонно относился къ Пржевальскаго и Государь Наслѣдникъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ и всѣ остальные члены Императорскаго Дома, оказывавшіе самое трогательное вниманіе Пржевальскому, которое доказываетъ, что Государь Императоръ и Царская Семья полюбили Пржевальскаго, не только по царски, но и по человѣчески. Живо заинтересованный увлекательными разсказами Пржевальскаго о его путешествіяхъ, Государь Наслѣдникъ и при отъѣздѣ его въ четвертое путешествіе просилъ писать съ дороги письма, которыми такъ охотно дѣлился съ Географическимъ Обществомъ.

По окончаніи этого путешествія Государь Императоръ произвелъ Пржевальскаго въ генералъ-маіоры, еще усилилъ его пенсію и вмѣстѣ съ Государынею Императрицею, Государемъ Наслѣдникомъ и другими особами Императорскаго Дома осматривалъ принесенныя Пржевальскимъ въ даръ Академіи Наукъ коллекціи, а Государь Наслѣдникъ соблаговолилъ пожертвовать изъ собственныхъ средствъ очень значительную сумму на научную разработку зоологическихъ коллекцій Пржевальскаго, производимую нынѣ съ большимъ успѣхомъ Академіею Наукъ. Щедротами же Государя Императора была снаряжена Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ и послѣдняя пятая экспедиція Пржевальскаго, которую ему не суждено было совершить.

Меня не было въ Петербургѣ при отъѣздѣ Пржевальскаго въ его послѣднюю экспедицію, но одному изъ близкихъ мнѣ передалъ онъ, съ свойственною ему живостью, свои впечатлѣнія при послѣднемъ въ его жизни прощаніи съ нимъ Царской Семьи. Слезы умиленія и признательности блестѣли въ хорошо знакомыхъ вамъ умныхъ, живыхъ глазахъ, не знавшаго страха и упрека, мощнаго тѣломъ и духомъ богатыря. Съ бо̀льшимъ, чѣмъ когда либо, муже-

ствомъ и самоотверженіемъ бросился онъ на свое новое, самое завѣтное для него предпріятіе, пріѣхалъ на грань русской земли и въ пять дней его не стало.

По царски и по человѣчески отнесся Государь Императоръ къ памяти дорогого намъ усопшаго, прежде всѣхъ насъ позаботился объ исполненіи единственнаго высказаннаго имъ передъ смертью желанія и сооруженіемъ на мѣстѣ его погребенія памятника усопшему, вспомнилъ даже и о заботившей Николая Михайловича участи его племянницъ.

Исчерпалъ я передъ вами, Милостивые Государи, свои свидѣтельскія показанія о Пржевальскомъ, старался быть безпристрастнымъ и прежде всего вѣрнымъ истинѣ, но объективнымъ быть не смогъ. Не посѣтуйте же, если мое сообщеніе проникнуто субъективнымъ моимъ чувствомъ къ усопшему; вѣдь и теплая любовь къ нему лицъ его близко знавшихъ есть то свидѣтельское показаніе, которое легко могутъ провѣрить въ себѣ многіе изъ присутствующихъ.

Остается мнѣ сказать только еще одно заключительное слово. Не сомнѣваюсь я въ томъ, что родное Пржевальскому по духу Русское Географическое Общество, да и все русское общество послѣдуетъ почину Русскаго Царя и не останется въ долгу передъ дорогою Россіи тѣнью.

Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества постановилъ уже почтить память усопшаго учрежденіемъ медали или преміи имени Н. М. Пржевальскаго для увѣнчанія его научныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ путешествіями. На этотъ предметъ Совѣтъ Общества имѣетъ въ виду открыть подписку не только въ средѣ Общества, но и по всей Россіи.

Петербургъ также уже вспомнилъ о безсмертныхъ заслугахъ своего почетнаго гражданина и изъ устъ городской депутаціи вы услышите, Милостивые Государи, чѣмъ городъ хочетъ выразить свою память объ усопшемъ.

Нѣкоторые члены нашего Общества возбуждаютъ чрезвычайно симпатичную мысль поставить бюстъ Пржевальскаго въ находящемся передъ окнами Императорскаго Русскаго Географическаго Общества скверѣ. Постановка такого памятника Пржевальскому не можетъ, конечно, быть сдѣлана безъ Высочайшаго на то разрѣшенія и безъ дѣятельнаго участія въ томъ Городской Думы.

Но есть еще одинъ нерукотворный памятникъ, который можетъ быть созданъ Пржевальскому на почвѣ дѣятельности Импе-

раторскаго Русскаго Географическаго Общества, на долю котораго выпала высокая задача регулировать эти силы на прекрасномъ полѣ всесторонняго изслѣдованія Россіи и странъ, съ нею сопредѣльныхъ, быть ходатаемъ за ихъ дѣятельность и посредникомъ между ними и Правительствомъ.

Нерукотворный памятникъ Пржевальскому, наиболѣе ему симпатичный, въ его духѣ, могутъ поставить тѣ изъ васъ, Милостивые Государи, которые послѣдуютъ его доблестному примѣру и отдадутъ свои силы продолженію тѣхъ изслѣдованій, которыя онъ началъ, скромно называя ихъ научными рекогносцировками и считая себя только піонеромъ этихъ изслѣдованій. Вы знаете, что чуждый мелкому самолюбію, преданный только своей идеѣ, Пржевальскій посвятилъ, съ особенною любовью, часть только-что вышедшаго въ свѣтъ своего послѣдняго сочиненія инструкціи для будущихъ путешественниковъ въ Средней Азіи, полагая, что къ памятнику величія Россіи, имъ тамъ заложенному, „не заростетъ народная тропа“.

Не бредомъ больного воображенія было послѣднее выраженное дорогимъ намъ усопшимъ желаніе быть похороненнымъ на берегахъ Иссыкъ-куля. Идея, связанная съ этимъ желаніемъ, не только глубокая, но и вполнѣ соотвѣтствующая русскому народному складу ума Николая Михайловича. Въ русскомъ народномъ творчествѣ сказочный русскій богатырь желаетъ быть похороненнымъ на перепутьѣ, какъ-бы указывая своею могилою на дальнѣйшіе пути тѣмъ русскимъ богатырямъ, которые пойдутъ вслѣдъ за нимъ.

Въ этомъ выражается глубокая и трогательная вѣра русскаго народнаго героя не только въ безсмертіе его идеи, но и въ неоскудѣніе русской земли такими же богатырями, какъ онъ. Онъ считаетъ себя только однимъ изъ многихъ доблестныхъ сыновъ своей родины, а доблестные сыны всегда найдутся у такой родины, какъ Россія. И замѣтьте, что русскій богатырь всегда бываетъ вѣренъ народному духу и доблестнымъ преданіямъ своего отечества. Идетъ впередъ безъ оглядки и корыстныхъ разсчетовъ, на славу своего отечества, побѣждая препятствія и злыя силы. Измѣняются только его цѣли и задачи, съ измѣненіемъ понятій и потребностей родной земли. Но замѣтьте еще одну особенность тѣхъ дорогихъ намъ народныхъ былинъ и преданій, которыя такъ любилъ Николай Михайловичъ. Препятствія, злыя силы побѣждаются большею частью оружіемъ, таинственно скрытымъ въ могилѣ богатыря, тѣнь котораго или охраняющіе могилу духи сторожатъ это

оружіе и охотно передаютъ его не иначе, какъ достойному преемнику его подвиговъ.

Вотъ и глубоко осмысленное, легендарное, поэтическое значеніе одинокой могилы Пржевальскаго на пустынномъ прибрежьи Иссыкъ-куля, у подножія самой величественной грани Русской земли, при входѣ въ тѣ невѣдомыя страны, завѣсы которыхъ только приподнялъ передъ нами своею смѣлою, богатырскою рукою Н. М. Пржевальскій. Туда манитъ многихъ изъ васъ, Милостивые Государи, тѣнь усопшаго. Зайдите на его могилу, поклонитесь этой дорогой тѣни и она охотно передастъ вамъ весь нехитрый запасъ своего оружія, который слагается изъ чистоты душевной, отваги богатырской, изъ живой любви къ природѣ и высшему проявленію человѣческаго генія—наукѣ, и изъ пламенной и безпредѣльной преданности своему отечеству и олицетворяющему его въ нашемъ русскомъ народномъ понятіи русскому Царю.

Берите же смѣло это оружіе съ изголовья могилы усопшаго изъ подъ его лавроваго вѣнка, идите съ нимъ отважно впередъ на любомъ пути истины и знанія на славу дорогой Россіи, и Вы соорудите нерукотворный памятникъ Н. М. Пржевальскому.

РѢЧЬ ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

А. А. ШТРАУХА.

Получивъ отъ Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества приглашеніе сказать въ настоящемъ торжественномъ собраніи нѣсколько словъ о составѣ и научномъ значеніи собранной покойнымъ Н. М. Пржевальскимъ зоологической коллекціи, я сейчасъ-же обратился къ своимъ сотрудникамъ по обработкѣ этихъ коллекцій, съ просьбою доставить мнѣ необходимыя свѣдѣнія по обрабатываемымъ ими спеціальнымъ отдѣламъ. На основаніи этихъ свѣдѣній, а также результатовъ, полученныхъ мною при обработкѣ эрпетологическаго матеріала, и составленъ настоящій обзоръ, который буду имѣть честь представить вашему благосклонному вниманію.

Николай Михайловичъ, поставившій цѣлью своей, такъ без-

временно пресѣченной, жизни изученіе Центральной Азіи, отнюдь не ограничивался одними чисто географическими изслѣдованіями; его вниманіе, съ самаго начала странствованій его, привлекало не менѣе и изученіе органической жизни. Еще во время первой своей Уссурійской экспедиціи онъ, какъ страстный охотникъ, естественно обратилъ особенное вниманіе на птицъ; отличаясь необыкновенной наблюдательностью и способностью различать формы, Николай Михайловичъ уже изъ этого путешествія привезъ, хотя и не особенно обширную, но единственную въ своемъ родѣ коллекцію, настолько полно представлявшую орнитологическую фауну этой интересной окраины нашего отечества, что послѣдующія многолѣтнія изысканія д-ра Бенедикта Ивановича Дыбовскаго лишь немного измѣнили и дополнили полученные Пржевальскимъ результаты. Опытъ, пріобрѣтенный въ этомъ первомъ путешествіи, а также и научно-зоологическая подготовка, достигнутая благодаря разработкѣ уссурійскаго матеріала подъ руководствомъ извѣстнаго, также безвременно погибшаго, Николая Алексѣевича Сѣверцова, были несомнѣнно причиной еще болѣе плодотворныхъ результатовъ слѣдующей экспедиціи Николая Михайловича—на Желтую рѣку, Куку-Норъ и въ Тибетъ. Отсюда привезена была, сверхъ богатой орнитологической, еще и богатая коллекція млекопитающихъ; холоднокровныя же позвоночныя животныя, которыхъ Николай Михайловичъ зналъ мало, доставлены были имъ въ незначительномъ количествѣ. Но когда научная обработка этихъ послѣднихъ спеціалистами показала, сколько новаго и интереснаго представляютъ пресмыкающіяся, земноводныя и рыбы Центральной Азіи, Николай Михайловичъ сталъ не менѣе усердно собирать и ихъ. Такимъ образомъ составился тотъ колоссальный, несравненный матеріалъ по позвоночнымъ животнымъ Центральной Азіи, который Николай Михайловичъ пожертвовалъ Академіи Наукъ и который, по всей справедливости, составляетъ гордость академическаго музея. Дѣйствительно матеріалъ этотъ не имѣетъ себѣ равнаго, да навѣрно и долго еще не будетъ имѣть.

Чтобы бороться съ громадными трудностями, невзгодами и опасностями путешествія самого по себѣ, чтобы изслѣдовать съ равной тщательностью и любовью и безплоднѣйшія, пустынныя, неблагодарныя для охотника и натуралиста мѣстности, и благодатнѣйшія страны, чтобы мириться и справляться съ необыкновенными затрудненіями транспорта и сохраненія собраннаго, — для всего этого требуется исключительно рѣдкое сочетаніе качествъ

путешественника, нужно, такъ сказать, полное сліяніе личности путешественника съ поставленными имъ себѣ задачами. Лица, удовлетворяющія такимъ требованіямъ, являются очень рѣдко и среди нихъ Николай Михайловичъ занимаетъ одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто.

Сказанное до сихъ поръ о коллекціяхъ главнымъ образомъ выставляетъ на видъ количество привезеннаго Пржевальскимъ матеріала. Многіе изъ присутствующихъ вѣроятно еще помнятъ грандіозное впечатлѣніе, которое производила устроенная въ началѣ 1887 года выставка собранныхъ Николаемъ Михайловичемъ предметовъ, наполнявшихъ два большихъ зала въ новомъ зданіи Академіи и составлявшихъ сами по себѣ уже цѣлый музей.

Если мы ограничились-бы еще замѣчаніемъ, что всѣ коллекціи покойнаго образцово приготовлены и прекрасно сохранены, то не затронули-бы главной ихъ стороны, ихъ научнаго значенія. Николай Михайловичъ чрезвычайно систематично и съ рѣдкимъ пониманіемъ дѣла относился къ своимъ сборамъ. Какъ превосходный наблюдатель, онъ съ педантичной обстоятельностью заносилъ въ свои образцовые дневники всѣ наблюдавшіяся имъ біологическія явленія и другія свѣдѣнія. Такъ, по разъ заведенному плану, изъ года въ годъ дополнялись вмѣстѣ съ коллекціями и данныя, часто неоцѣнимой важности, касающіяся жизни центрально-азіятскихъ животныхъ; никакое одолимое человѣческими силами препятствіе не было въ состояніи удержать Николая Михайловича отъ пополненія пробѣловъ, замѣченныхъ имъ въ своихъ матеріалахъ. Мертвыя числа, показывающія количество привезенныхъ предметовъ, величайшая рѣдкость и большая денежная цѣнность многихъ изъ нихъ—все это блѣднѣетъ передъ тою научной цѣнностью, которую покойный съумѣлъ придать своимъ коллекціямъ, все это блѣднѣетъ передъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Николай Михайловичъ поставилъ свой матеріалъ на высоту, соотвѣтствующую тѣмъ важнымъ задачамъ, которыя связаны съ изученіемъ животнаго населенія Центральной Азіи.

Важность изученія животной жизни Азіи вообще и Центральной въ особенности такъ бросается въ глаза, такъ очевидна, что давно уже признана всѣми, и достаточно будетъ лишь нѣсколькими словами коснуться этого вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, сколько благодарнаго матеріала для выясненія отношенія между животной жизнью и обстановкой ея существованія можетъ доставить этотъ необъятный континентъ, разчленяющійся на громадные, съ рѣзко выраженными

физико-географическими условіями, участки! сколько свѣта можетъ пролить изученіе азіятской фауны въ высоко интересномъ вопросѣ объ источникахъ и путяхъ колонизаціи нашей части свѣта! сколько результатовъ можно ожидать здѣсь по отношенію къ вопросу о происхожденіи домашнихъ животныхъ, а слѣдовательно, и нѣкоторыхъ очень важныхъ моментовъ въ развитіи человѣческой культуры!

Но познанія наши о фаунѣ Азіи развивались медленно. Ограничиваясь новѣйшимъ временемъ, упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ наиболѣе заслуженныхъ въ этомъ отношеніи лицахъ. Сѣверцовъ обстоятельно изслѣдовалъ Тянь-Шань и Памиръ, Шренкъ и Радде—Амуръ и Забайкалье; богатыя коллекціи миссіонера Давида, обработанныя частью Мильнъ-Эдвардсомъ, пролили свѣтъ на животное населеніе самыхъ восточныхъ окраинъ Тибета; Годжсонъ и нѣкоторые другіе англійскіе изслѣдователи познакомили насъ съ Непаломъ и сопредѣльными странами, а Яркендская экспедиція—съ Восточнымъ Туркестаномъ. Такъ исподоволь составилось болѣе или менѣе сплошное кольцо хорошо изслѣдованныхъ областей,—кольцо, охватывавшее полнѣйшую terra incognita.

Главное значеніе матеріаловъ Н. М. Пржевальскаго и заключается въ изслѣдованіи этой terra incognita по отношенію ко всѣмъ отдѣламъ ея фауны позвоночныхъ; безъ преувеличенія говоря, эта фауна теперь намъ лучше извѣстна, чѣмъ фауна многихъ гораздо болѣе доступныхъ и даже культурныхъ странъ. Николай Михайловичъ, заполнивъ пробѣлъ среди изслѣдованныхъ ранѣе областей, далъ намъ возможность тѣснѣе связать прежде разрозненныя свѣдѣнія. Постараемся же, хоть въ самыхъ общихъ чертахъ, разсмотрѣть, что сдѣлалъ покойный по отдѣльнымъ классамъ позвоночныхъ животныхъ.

Начиная съ млекопитающихъ, мы въ 700 экземлярахъ шкуръ (въ томъ числѣ многихъ очень крупныхъ звѣрей) и многочисленныхъ остеологическихъ препаратахъ, составляющихъ коллекцію Николая Михайловича, находимъ чрезвычайно полную картину фауны млекопитающихся Центральной Азіи. Главныя черты этой фауны, заставляющей насъ признать несомнѣнную принадлежность Центральной Азіи къ палеарктической области, сводятся къ слѣдующему: она однообразна, характеризуется сравнительно небольшимъ числомъ видовъ, но часто весьма значительнымъ количествомъ особей; она главнымъ образомъ коренная и лишь въ небольшой мѣрѣ составляется пришельцами изъ другихъ областей. Многіе роды

млекопитающихъ Центральной Азіи (сурки, пищухи, лошади, верблюды, нѣкоторыя антилопы), очевидно, находятся здѣсь въ своемъ центрѣ созданія.

Переходя къ орнитологическимъ коллекціямъ, мы упомянемъ прежде всего, что наиболѣе новые и блестящіе результаты доставила Николаю Михайловичу первая его экспедиція въ Монголію и страну Тангутовъ, изъ которой онъ привезъ до 20 новыхъ видовъ; послѣдующія путешествія скорѣе должны считаться дополненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ перваго; такъ, не смотря на громадный сборъ (до 4000 экземпляровъ), они доставили всего лишь 10 новыхъ видовъ, каковое число, быть можетъ, нѣсколько увеличится при дальнѣйшей разработкѣ коллекцій. Но это нисколько не умаляетъ громаднаго значенія разсматриваемаго сбора для выясненія состава фауны совершенно неизслѣдованной ранѣе области. Не можемъ также умолчать о томъ большомъ вниманіи, которое Николай Михайловичъ обращалъ на явленія перелета птицъ: на озерѣ Ханка, на Далай-Норѣ, въ Гань-Су, на Куку-Норѣ, на Лобъ-Норѣ — всюду онъ съ ружьемъ въ рукахъ торопился на встрѣчу пролетнымъ стаямъ; и труды его, можно сказать, не пропали даромъ. Ему удалось не только прослѣдить пролетные пути птицъ въ разныхъ частяхъ Нагорной Азіи, но и выяснить весьма интересный и до тѣхъ поръ загадочный вопросъ объ отношеніи пролетныхъ птицъ къ негостепріимной и безводной центрально-азіятской пустынѣ.

Изъ классовъ пресмыкающихся и земноводныхъ Пржевальскій собралъ весьма большое число—болѣе 1200—экземпляровъ, которые, впрочемъ, принадлежатъ къ очень немногимъ, приблизительно къ 50, видамъ, что вполнѣ объясняется географическимъ положеніемъ изслѣдованныхъ имъ областей: какъ извѣстно, представители этихъ двухъ классовъ водятся преимущественно въ тропическихъ странахъ и число видовъ постоянно уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ тропиковъ къ полюсамъ. Въ привезенномъ матеріалѣ преобладаютъ очень замѣтно ящерицы по числу и видовъ, и экземпляровъ; такъ изъ 1076 пресмыкающихся разсматриваемой коллекціи не менѣе 1022 ящерицъ, змѣй же всего 47, а черепахъ 7. Незначительное число послѣднихъ, принадлежащихъ лишь къ одному, давно извѣстному китайскому виду, вполнѣ естественно, потому что отрядъ черепахъ, вообще не богатый видами, преимущественно свойственъ тропическимъ странамъ. Несоразмѣрно малое число змѣй, напротивъ, нѣсколько поразительно, но едва-ли можетъ считаться соотвѣтствующимъ дѣйствительности, а вѣроятно объясняется тѣмъ

обстоятельствомъ, что змѣи отличаются болѣе или менѣе скрытнымъ образомъ жизни и, слѣдовательно, ихъ нужно искать, между тѣмъ какъ ящерицы, особенно пустынныя формы, днемъ повсюду бѣгаютъ тысячами. Хотя такимъ образомъ эта часть коллекцій Николая Михайловича относительно полноты и уступаетъ нѣсколько коллекціямъ млекопитающихъ и птицъ, тѣмъ не менѣе уже теперь можно сказать, что эрпетологическая фауна Центральной Азіи носитъ вполнѣ палеарктическій характеръ и не представляетъ ни одного рода, ей одной свойственнаго. Большинство ящерицъ принадлежитъ къ родамъ Phrynocephalus и Eremias, которые въ Центральной Азіи являются въ такомъ разнообразіи формъ, что, по всему вѣроятію, тутъ находится центръ созданія этихъ родовъ. Остальныя ящерицы, также какъ и всѣ змѣи, принадлежатъ частью къ европейско-азіятскимъ, частью къ космополитическимъ родамъ, и змѣи кромѣ того еще къ видамъ, распространеннымъ въ азіятской части нашего отечества, кромѣ двухъ формъ, свойственныхъ Китаю.

Что касается земноводныхъ, то судя по коллекціямъ Николая Михайловича, въ Центральной Азіи водятся только представители двухъ космополитическихъ родовъ лягушекъ (Rana) и жабъ (Bufo), и привезенные имъ экземпляры этихъ 2 родовъ, за исключеніемъ двухъ лягушекъ, вѣроятно новыхъ, принадлежатъ частью къ самымъ обыкновеннымъ европейско-азіятскимъ, частью къ амурско-китайскимъ видамъ.

Теперь намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о послѣднемъ классѣ, о рыбахъ. Оставляя въ сторонѣ случайный сборъ дорогою, прямо перейдемъ къ главной массѣ коллекцій Николая Михайловича, собранныхъ имъ въ системѣ тѣхъ непрерывныхъ высотъ, которыя включаютъ Тянь-Шань, Памиръ, Гималай, Тибетъ, Цайдамъ и горныя массы въ верховьяхъ большихъ китайскихъ рѣкъ (Желтой и Голубой). Въ этихъ высотахъ лежатъ истоки громадныхъ рѣкъ Туркестана, Индіи, Индо-Китая и Китая; рѣкъ, въ главномъ своемъ теченіи населенныхъ болѣе или менѣе богатыми и бобѣе или менѣе отличными другъ отъ друга фаунами. Полный контрастъ представляютъ намъ воды Высокой Азіи, какъ входящія въ систему названныхъ истоковъ, такъ и внутреннія, лишенныя стока. Здѣсь, на громадномъ протяженіи отъ запада къ востоку, мы встрѣчаемъ весьма однообразную и, сравнительно съ фаунами упомянутыхъ рѣкъ, весьма бѣдную фауну, включающую всего 4 рода горныхъ усачей (Schizothorax, Schizopygopsis, Diptychus и Aspiorhynchus)

и одну группу болѣе или менѣе сродныхъ между собою видовъ рода Nemachilus. Однообразіе это простирается до того, что большинство упомянутыхъ родовъ представлено нѣкоторымъ числомъ тожественныхъ или весьма близкихъ другъ къ другу видовъ на крайнихъ западныхъ и восточныхъ предѣлахъ Нагорной Азіи. Хотя большинство этихъ нагорно-азіятскихъ родовъ было еще ранѣе извѣстно (благодаря экспедиціямъ Сѣверцова, Федченки, Столички и др.) изъ западныхъ предѣловъ разсматриваемой области, но Николаю Михайловичу принадлежитъ заслуга открытія значительнаго большинства формъ, принадлежащихъ къ названнымъ родамъ. Теперь, главнымъ образомъ на основаніи результатовъ его сбора, отношеніе нагорно-азіятской фауны къ окраиннымъ, Туркестанской, Индійской и другимъ выше уже названнымъ представляется чрезвычайно аналогичнымъ отношеніямъ прибрежныхъ морскихъ фаунъ, такъ различныхъ въ различныхъ частяхъ, береговой линіи континентовъ къ однообразной и несравненно болѣе бѣдной глубоководной фаунѣ, распространяющейся на громадныя протяженія океаническихъ глубинъ.

Что касается, наконецъ, обработки коллекцій Николая Михайловича, то она давно уже начата и разсчитана на 3 тома in 4°, изъ которыхъ первый будетъ содержать млекопитающихъ, второй птицъ, а 3-й всѣхъ холоднокровныхъ позвоночныхъ. Отдѣлъ млекопитающихъ обработываетъ кандидатъ здѣшняго Университета, ученый хранитель Зоологическаго Музея Евгеній Александровичъ Бихнеръ, начавшій съ труднаго отряда грызуновъ и напечатавшій уже первый выпускъ, содержащій родъ летягъ, бурундуковъ, сусликовъ и сурковъ. Второй выпускъ (родъ Sminthus, Gerbillus, Cricetus и Nesokia) уже печатается и выйдетъ вѣроятно къ новому году. Въ общемъ обработка грызуновъ можетъ считаться оконченной; сдѣланы также уже подготовительныя работы для слѣдующаго отряда хищныхъ, и, можно надѣяться, отдѣльные выпуски будутъ выходить теперь безъ задержки, одинъ за другимъ.

Птицъ Николай Михайловичъ, уже ранѣе описавшій орнитологическую коллекцію изъ своего перваго центрально-азіатскаго путешествія, предполагалъ обработать ихъ самъ. Въ виду этого онъ пожертвовалъ ихъ Академическому Музею съ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ сохранялись отдѣльно и чтобы никому не разрѣшалось пользованіе ими. По случаю устройства Академіей выставки всѣхъ привезенныхъ покойнымъ предметомъ, Николай Михайловичъ еще разъ пересмотрѣлъ своихъ птицъ и въ Запискахъ Академіи описалъ 10

новыхъ видовъ. Пржевальскій конечно очень хорошо справился-бы со взятою на себя задачей; уже только что упомянутая работа его о птицахъ, собранныхъ имъ въ первую экспедицію, напечатанная въ сочиненіи его „Монголія и страна Тангутовъ“ доставила автору почетную извѣстность среди орнитологовъ и впослѣдствіи переведена была на англійскій языкъ. Но внезапная смерть Николая Михайловича разстроила эти планы, выполненіе которыхъ взялъ на себя теперь ученый хранитель Зоологическаго Музея кандидатъ здѣшняго Университета Ѳедоръ Дмитріевичъ Плеске. Точно предчувствуя, Николай Михайловичъ при прощаніи, когда поѣздъ уже тронулся, успѣлъ еще сказать Ѳедору Дмитріевичу изъ окна вагона: „мы всѣ подъ Богомъ ходимъ; если со мною что случится, примите на себя обработку моихъ птицъ“. Исполняя желаніе покойнаго, г. Плеске, очень занятый въ настоящее время обширной работой по всей фаунѣ птицъ Россійской Имперіи, тѣмъ не менѣе взялъ на себя трудъ обработки орнитологическаго матеріала, за который примется тотчасъ по прибытіи сюда чрезвычайно важныхъ дневниковъ Пржевальскаго.

Пресмыкающіяся и земноводныя первой экспедиціи обработаны мною и описаны во второмъ томѣ сочиненія „Монголія и страна Тангутовъ“. Эрпетологическій матеріалъ изъ послѣдующихъ путешествій точно также разобранъ уже почти весь и еслибы ограничиться перечнемъ привезенныхъ видовъ, отчасти новыхъ, то напечатаніе эрнетологической части не представило бы особенныхъ затрудненій. Но такъ какъ коллекція состоитъ главнымъ образомъ изъ ящерицъ Phrynocephalus и Eremias и содержитъ почти всѣ извѣстные виды этихъ родовъ, то, съ согласія покойнаго, я рѣшилъ написать монографію всего рода Phrynocephalus и европейско-азіатской группы рода Eremias, пользуясь всѣмъ весьма богатымъ матеріаломъ нашего Музея. Конечно, такая работа потребуетъ болѣе времени, потому что сверхъ тщательнаго изслѣдованія сотенъ экземпляровъ придется еще подробно разсмотрѣть и всю литературу: тѣмъ не менѣе я разсчитываю, безъ ущерба для прочихъ своихъ работъ и обязанностей, окончить свой отдѣлъ въ теченіе будущаго года.

Рыбы перваго и второго путешествія описаны покойнымъ профессоромъ Карломъ Ѳедоровичемъ Кесслеромъ въ сочиненіи „Монголія и страна Тангутовъ“ и въ академическомъ Бюллетенѣ; рыбы же изъ послѣднихъ двухъ экспедицій, составляющія главную массу привезеннаго Николаемъ Михайловичемъ ихтіологическаго матеріала, переданы для обработки ученому хранителю Зоологическаго Музея

кандидату С.-Петербургскаго Университета Саломону Марковичу Герценштейну. Въ виду того, что большинство видовъ, описанныхъ Кесслеромъ, имѣется и въ послѣднихъ коллекціяхъ, г. Герценштейнъ счелъ необходимымъ заново пересмотрѣть и обработать всѣхъ рыбъ Пржевальскаго. Въ настоящее время вышелъ уже первый выпускъ ихтіологическаго отдѣла, содержащій родъ Nemachilus; теперь подготовляется къ печати родъ Schifothorax и, можно надѣяться, что весь отдѣлъ будетъ оконченъ въ теченіе будущаго года.

Всѣ три тома носятъ общее заглавіе: „Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи. Изданные на средства, пожалованныя Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ Императорскою Академіею Наукъ"; благодаря щедротамъ Его Высочества, пожаловавшаго на изданіе 25,000 рублей, они будутъ изданы въ формѣ, вполнѣ соотвѣтствующей заслугамъ великаго путешественника. Мы же, обрабатывающіе эти коллекціи, съ своей стороны, рѣшили ходатайствовать о разрѣшеніи намъ посвятить всѣ три тома памяти Пржевальскаго.

РѢЧЬ ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

К. И. МАКСИМОВИЧА.

Милостивые Государи.

Получивъ приглашеніе дать отзывъ о ботаническихъ коллекціяхъ Н. М. Пржевальскаго и о научной разработкѣ ихъ, я считаю за лучшее сначала доложить, какъ и когда эти различныя коллекціи были переданы въ мое распоряженіе; а затѣмъ перейти къ изложенію нынѣшняго состоянія научной ихъ разработки и нѣкоторыхъ уже добытыхъ выводовъ.

Начало коллекторской дѣятельности Николая Михайловича, сколько мнѣ извѣстно, положено въ 1867 году. Ранѣе этого шла, какъ онъ самъ выразился въ предисловіи къ своему сочиненію объ Уссурійскомъ краѣ, предварительная подготовка, длившаяся нѣсколько лѣтъ.

Въ началѣ 1870 г. явился ко мнѣ молодой офицеръ, отрекомен-

довался Николаемъ Михайловичемъ Пржевальскимъ и объяснилъ, что онъ три года пропутешествовалъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и, хотя преимущественно занимался собираніемъ зоологическаго матеріала, обращалъ вниманіе и на растительность, а вывезенный оттуда гербарій предложилъ Ботаническому Саду, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы растенія были немедленно опредѣлены, а списокъ ихъ сообщенъ ему. Энергическая, талантливая, кипящая жизнью личность Николая Михайловича, его живой умъ, отличная наблюдательность и пламенная любовь къ природѣ, сквозившія въ рѣчахъ его, уже тогда произвели на меня глубокое впечатлѣніе и навсегда расположили въ его пользу.

Даръ Николая Михайловича конечно былъ принятъ съ благодарностью, потому что прямо относился къ моимъ спеціальнымъ занятіямъ по флорѣ Восточной Азіи, требуемый же имъ списокъ изготовленъ въ самый короткій срокъ, такъ какъ между представленными растеніями никакихъ новостей не оказалось, да и вся коллекція была невелика.

Упоминаю объ этомъ первомъ гербаріи потому, что онъ былъ составленъ и приготовленъ по тому-же способу, котораго составитель держался и впослѣдствіи и который изложенъ имъ въ первой главѣ его четвертаго путешествія: „Какъ путешествовать по Центральной Азіи.“ Способъ этотъ отличался оригинальностью. Бумага — огромнаго формата, такъ что растенія помѣщались въ ней чаще во весь ростъ и получалось несравненно лучшее представленіе о нихъ, чѣмъ по тѣмъ мелкимъ образчикамъ, какіе обыкновенно берутся путешественниками. Высушиваніе производилось на скорую руку, такъ сказать по военному, въ два, три пріема, раскладываніемъ листовъ съ экземплярами на солнцѣ во время привала. Отъ скорой сушки отлично сохранялась свѣжесть красокъ, но за то цвѣты и листья понѣжнѣе иногда морщились или свертывались, чѣмъ конечно затруднялось научное изслѣдованіе. Выборъ экземпляровъ свидѣтельствовалъ о хорошемъ знакомствѣ собирателя со флорою средней Россіи: такъ русскія породы собирались по одному, по двумъ образчикамъ, мѣстныхъ же или сибирскихъ видовъ имѣлось на лицо по десяти и болѣе экземпляровъ. Къ коллекціи былъ приданъ реестръ, содержащій довольно полныя замѣтки о мѣстонахожденіи, времени сбора, почвѣ, ростѣ, распространеніи и т. д.

Пребываніе въ Петербургѣ уже тогда тяготился Николай Михайловичъ, сѣтовалъ на климатъ, на докучливые разспросы, на возню съ типографіей, и вздыхалъ по свободѣ степей и привольной жизни

въ нихъ. Какъ теперь помню восторгъ его, когда ему выпало счастье, въ первый разъ отправиться въ невѣдомыя пространства Средней Азіи!

Въ концѣ 1873 г. Николай Михайловичъ вернулся изъ этой первой экспедиціи въ Центральную Азію, безспорно самой замѣчательной изъ всѣхъ совершенныхъ имъ, безпримѣрной по небывалому удальству, выносливости и трудолюбію четырехъ участниковъ въ ней и по достигнутымъ, въ сравненіи со скудными средствами, громаднымъ результатамъ.

Ботаническій сборъ былъ опять предоставленъ Ботаническому Саду, и, по старому знакомству, собственно мнѣ; но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ былъ научно обработанъ, а результатъ помѣщенъ въ особенномъ отдѣлѣ издаваемаго Николаемъ Михайловичемъ труда, съ приложеніемъ рисунковъ всѣхъ новыхъ формъ.

Признаюсь, трудно было рѣшиться, взять на себя этотъ новый и значительный трудъ, въ то время, когда на рукахъ были громадныя, неразработанныя еще, собственныя коллекціи изъ Восточной Азіи. Но въ Ботаническомъ Садѣ тогда не имѣлось другого лица готоваго взять на себя этотъ трудъ. Отказаться, значило лишить садъ весьма драгоцѣнной коллекціи. Къ тому, предметъ отчасти былъ для меня знакомый: списокъ Монгольской флоры былъ изданъ мною еще прежде: а новый Монгольскій сборъ не могъ содержать въ себѣ много новаго. Что-же касается растеній изъ Ганьсу, гдѣ каждое другое растеніе было ново, то ихъ было вывезено тогда всего 400 видовъ, слѣдовательно, была надежда, справиться съ ихъ обработкою въ непродолжительное время. Главную задержку составляли таблицы; но перспектива ознакомить науку съ непочатою и весьма своеобразною флорою была весьма заманчива. Наконецъ, кто же могъ не увлечься и личностью самого путешественника, кто могъ добровольно отказаться отъ удовольствія короткаго съ нимъ знакомства и увлекательныхъ бесѣдъ его, столь поучительныхъ даже въ ботаническомъ отношеніи. Я согласился; но предупредилъ, что обработка его матеріала, при другихъ моихъ занятіяхъ и за многочисленными рисунками, не можетъ подвигаться быстро.

Но съ каждымъ новымъ путешествіемъ являлся и Николай Михайловичъ, приговаривая: и Вамъ привезли свѣженькаго матеріала.

Первая экспедиція дала намъ флору юго-восточной Монголіи и прекрасный образчикъ растительности самаго лучшаго участка западной Ганьсу, которою по справедливости такъ восторгался Николай Михайловичъ.

Второе путешествіе, прерванное тяжкою болѣзнью участниковъ въ ней, познакомило съ лучшею, роскошнѣйшею частью Монголіи, по южному склону Тянъ-Шаня, а затѣмъ со страшною пустынею Тарима и Лобъ-Нора.

Третья экспедиція, кромѣ средней монгольской флоры, а особенно Дзюнгарской пустыни и оазиса Са-Чжеу, доселѣ неизвѣстныхъ, доставила изъ Ганьсу богатый гербарій, собранный на этотъ разъ большею частью на лёссовыхъ отложеніяхъ Куку-Нора и верхней Хуань-хэ. Въ противоположность первому сбору, этотъ былъ богаче давно-извѣстными, чѣмъ новыми формами.

Высокое плоскогорье Сѣвернаго Тибета до сихъ поръ было посѣщаемо Николаемъ Михайловичемъ только зимою. Лишь въ четвертую его экспедицію удалось ему познакомить насъ со своеобразною, рѣдко посѣянною и мелкою растительностью этого необитаемаго и неприступнаго края. Гербарій добывался при неимовѣрныхъ лишеніяхъ и трудностяхъ, въ постоянной борьбѣ съ ужаснѣйшимъ климатомъ и отбиваясь отъ нападеній многочисленныхъ вооруженныхъ разбойничьихъ шаекъ. За то получилась единственная въ своемъ родѣ коллекція, равно замѣчательная какъ по новизнѣ, такъ и по миніатюрности растеній.

Такимъ образомъ составились коллекціи Николая Михайловича, заключающія около 1700 видовъ въ 15.000—16.000 экземплярахъ.

Къ монгольскому отдѣлу этого сбора не замедлили вскорѣ присоединиться весьма богатые матеріалы, вывезенные Г. Н. Потанинымъ, а также полковникомъ Пѣвцовымъ изъ четырехъ экспедицій по Сѣверной Монголіи, а равно и сборъ г. Потанина въ южной Монголіи, и мелкія коллекціи: Адріанова съ верхняго Енисея, Кальнинга изъ окрестностей Хобдо и др. Тибетскій матеріалъ, или лучше Ганьсуйскій, въ прошломъ году значительно обогатился сборомъ того же Г. Н. Потанина. Въ отчетѣ, представленномъ въ съѣздъ ботаниковъ и садоводовъ въ 1884 году, я насчиталъ для Монголіи слишкомъ 1600 видовъ, для Тибета 800 видовъ; но нынѣ, благодаря новѣйшимъ матеріаламъ, первая флора возросла приблизительно до 1800, а другая до 900 видовъ.

Хотя такимъ образомъ далеко не весь подлежащій разбору матеріалъ принадлежитъ Пржевальскому, но все таки безспорно самая интересная его часть вывезена имъ. Ему почти всецѣло выпала на долю Тибетская флора, ему-же обязаны мы интереснѣйшими находками въ Монголіи. Причина тому двоякая. Николай Михайловичъ собиралъ преимущественно на югѣ, остальные соби-

ратели—на сѣверѣ Монголіи, гдѣ растутъ тѣ же породы, что и въ южной Сибири. Затѣмъ Николай Михайловичъ, съ его экспедиціей на военную ногу, былъ почти независимъ отъ туземцевъ, шелъ на проломъ необитаемыми мѣстами и, какъ зоологъ, даже избѣгалъ поселеній, тогда какъ напр. Г. Н. Потанинъ, какъ этнографъ, болѣе держался торныхъ дорогъ и подолгу живалъ въ поселеніяхъ. Понятно, что первый находилъ болѣе рѣдкостей или новостей, а второй обогащалъ списки флоры болѣе обыкновенными растеніями или даже сорными травами. Такъ, сборъ одного прекрасно дополнилъ сборъ другого.

Что касается до качества собраннаго, то нужно отдѣлить Монгольскій сборъ отъ Тибетскаго. Первый всюду удовлетворителенъ или даже безусловно хорошъ (хотя и здѣсь иногда встрѣчаются формы, попавшіяся только однажды и потому не полно собранныя).

Въ Тибетской коллекціи особенно хороши набранныя въ Ганьсу растенія: рослыя, хорошо развитыя, полно собранныя и хорошо приготовленныя. Собственно же формы высокаго Тибетскаго плоскогорія — карлики въ дюймъ или въ два, чаще въ видѣ густого кустика или коврика, съ мелкими цвѣточками, запрятанными въ листвѣ, почти всегда безъ плодовъ, довольно часто неудовлетворительны и не полны. Но мелкія и невзрачныя растеньица, окрашенныя, особливо подъ осень, въ бурый или сѣрый цвѣтъ, легко ускользаютъ отъ вниманія или даже вовсе скрываются, заносимыя то снѣгомъ, то пылью, то затопленныя водою; и, застигнутыя непогодою, въ иные года, вѣроятно, вовсе не приносятъ сѣмянъ. Какъ бы то ни было, но сѣверно-тибетскій гербарій Пржевальскаго—драгоцѣнность, имѣющаяся только у насъ, и нигдѣ какъ у насъ, и не думаю, чтобы вскорѣ нашелся другой отважный путешественникъ, которому удастся пойти по слѣдамъ нашего незабвеннаго Николая Михайловича и продолжать начатое имъ такъ основательно многотрудное дѣло изслѣдованія Тибетской флоры.

Обработка всѣхъ этихъ матеріаловъ производилась слѣдующимъ образомъ. По возвращеніи Николая Михайловича изъ экспедиціи, онъ отбиралъ по экземпляру тѣхъ видовъ, о которыхъ хотѣлъ упомянуть въ своемъ сочиненіи, и такіе виды опредѣлялись сейчасъ же, а самые экземпляры ему возвращались. Присмотрѣвшись къ нимъ, Николай Михайловичъ, одаренный замѣчательнымъ глазомъ и превосходною памятью, твердо помнилъ всѣ такія растенія, на слѣ-

дующій разъ прямо узнавалъ ихъ, не смѣшивая съ другими похожими породами и въ дневникѣ обзывалъ правильными, латинскими названіями.

Рядомъ шла заготовка рисунковъ и обработка всего матеріала, но также двоякая: во-первыхъ, по систематическому порядку, а во вторыхъ описывались выхваченныя внѣ системы, выдающіяся новости. Послѣднее дѣлалось отчасти по указанію самого собирателя или по особенному интересу какой либо находки, отчасти же въ виду конкурренціи съ заграницею, для сохраненія за нашимъ путешественникомъ первенства, пріоритета. Такими конкуррентами являлись французы: патеръ Давидъ и въ послѣднее время аббатъ Делаве (Delavay), въ меньшей мѣрѣ англичанинъ Гансъ (Hance), получившій и опубликовавшій нѣсколько растеній съ Куку-Нора и изъ Монголіи. Особенно по путевымъ запискамъ Давида можно было опасаться, что онъ отниметъ у насъ почти всѣ монгольскія и много тибетскихъ новостей. Напрасныя опасенія! Давидъ вывезъ весьма немногія изъ упомянутыхъ въ его отчетахъ растеній и между ними, также какъ и между безчисленными находками Делаве, оказались весьма и весьма немногія, общія съ Тибетомъ: на столько рѣзко Тибетская флора разграничена съ флорою Китая! Всѣ новыя породы печатались въ бюллетенѣ нашей Академіи подъ заглавіемъ „Diagnoses plantarum novarum asiaticarum“. Описано всего въ бюллетенѣ 218 новыхъ видовъ (съ семью новыми родами): 173 тибетскихъ, 44 монгольскихъ.

Систематическая разработка ведется параллельно, въ видахъ сокращенія труда, т. е. монгольская и тибетская флоры разомъ. Описанія новыхъ формъ пишутся по латыни, мѣстонахожденія и туземныя названія по-русски. Ко времени возвращенія Николая Михайловича изъ второго путешествія первый выпускъ и той и другой флоры былъ готовъ и всѣ таблицы къ нимъ отпечатаны. Тогда предполагалось составить изъ ботанической части третій томъ перваго путешествія Пржевальскаго. Но послѣ каждой новой экспедиціи приходилось передѣлывать эти выпуски, т. е. дополнять ихъ вновь добытымъ матеріаломъ и заказывать добавочныя таблицы. Когда Николай Михайловичъ отправлялся въ пятое и послѣднее свое путешествіе, первоначальный планъ изданія былъ оставленъ и принятъ новый, по которому и имѣются уже два выпуска зоологическаго отдѣла. Ботаническій отдѣлъ займетъ по этому новому плану два тома: одинъ для флоры Монголіи, другой для флоры Тибета, считая сюда и западную часть Ганьсу. Оба мои выпуска были

также готовы къ печати: монгольскій содержалъ въ себѣ 285 видовъ и 12 таблицъ, тибетскій 111 видовъ и 29 таблицъ; по объему они были почти равны. Но въ 1887 г. возвратился Г. Н. Потанинъ съ новымъ, весьма богатымъ сборомъ, значительная доля котораго прямо входила въ рамки заготовляемаго труда, и печатаніе пришлось вновь отложить до включенія и этого матеріала.

Невольно является опасеніе, что привезутъ опять новый матеріалъ, напр. изъ Монголіи, и печатаніе опять замедлится. Затѣмъ, если подумаешь, что за все время экспедицій Пржевальскаго не успѣли появиться даже первые выпуски упомянутыхъ флоръ, содержащіе вмѣстѣ всего 400 видовъ съ 41 таблицей, то невольно зарождается сомнѣніе, что ботаническая разработка матеріала затянется на неопредѣленное время и останется даже вовсе недоконченной. Но такія опасенія, къ счастью, можно признать преувеличенными. Я уже сказалъ, что средне-азіатскій матеріалъ засталъ меня въ самомъ разгарѣ разработки моихъ собственныхъ восточно-азіатскихъ коллекцій. Эта разработка была мнѣ, конечно, ближе къ сердцу и поглотила много времени; но нынѣ она приближается къ концу.—Затѣмъ, все новыя и новыя поступленія изъ Средней Азіи сильно тормозили успѣшныя занятія. Каждая новая коллекція должна была разбираться и классифицироваться, привезенныя сѣмена въ возможно скорый срокъ опредѣляться для высѣванія и разсылки, выбранныя путешественникомъ породы снабжаться названіями и новыя между ними описываться. Затѣмъ обѣ флоры, какъ монгольская, такъ и тибетская, были для меня, свѣдущаго въ растительности восточной Азіи, непривычнымъ дѣломъ: монгольская—по громадному проценту Алтайскихъ и Забайкальскихъ видовъ, которыми я доселѣ мало занимался, тибетская — по большому числу новыхъ формъ, которыя къ тому-же почти всѣ по сродству принадлежали къ флорѣ высоко-альпійской полосы Гималая, весьма плохо представленной въ нашихъ здѣшнихъ музеяхъ. Гдѣ не было гималайскихъ экземпляровъ для сравненія, опредѣленіе по однимъ описаніямъ обыкновенно оказывалось невозможнымъ. Слишкомъ краткія описанія въ индійской флорѣ Гукера, къ тому еще неоконченной, назначенныя исключительно для распознаванія индійскихъ видовъ, для моей цѣли были весьма неудовлетворительны.

Завязывалась переписка съ Англіей и съ Индіей для полученія необходимаго матеріала, и только по полученіи такового наше растеніе окончательно опредѣлялось; но, конечно, не иначе, какъ

послѣ тщательнаго анализа и индійской сравниваемой породы, анализъ которой иногда помѣщался на ряду съ изображеніемъ тибетскаго вида.

Самое изслѣдованіе крошечныхъ и часто неполныхъ тибетскихъ растеній требовало значительнаго времени: экземпляры размачивались въ горячей водѣ, расправлялись подъ лупою, анализировались и рисовались подъ нею-же, рисунки же анализовъ, какъ назначенные въ печать, производились съ возможною тщательностью.

Нынѣ значительное число новостей описано и даже нарисовано (на лицо 83 еще не изданныя таблицы), что, конечно, весьма облегчитъ дальнѣйшій трудъ. Весь средне-азіатскій сборъ соединенъ въ одно цѣлое. Гималайскихъ матеріаловъ пріобрѣтено такъ много, что рѣже и рѣже приходится прибѣгать къ выпрашиванію чего-либо новаго. При описаніи новыхъ видовъ опредѣлялось, такъ сказать, попутно, и множество старыхъ. Такъ изъ 900 видовъ тибетскихъ опредѣлено почти 500, изъ 1800 монгольскихъ слишкомъ 1000. Всѣ эти подготовительныя работы значительно облегчатъ и ускорятъ появленіе слѣдующихъ выпусковъ; а включеніе Потанинскаго сбора въ первые выпуски долго не задержитъ, потому что сборъ произведенъ въ мѣстности неоднократно обслѣдованной и абсолютно новаго, конечно, найдено мало.

Тѣмъ не менѣе одна механическая работа надъ сырымъ матеріаломъ до окончательнаго включенія его въ гербарій, а также литографированіе таблицъ потребуютъ еще не мало времени и я сочту себя счастливымъ, ежели доведу дѣло до конца въ меньшее время чѣмъ то, какое протекло съ тѣхъ поръ, какъ я впервые приступилъ къ нему.

Во всякомъ случаѣ научная разработка подвинулась на столько, что плодомъ ея могла явиться подробная статья (въ Bulletin du Congrès international à St.-Peterbourg 1884), въ которой разсматриваются обѣ флоры по ихъ составу, характеру и сродству съ сосѣдними флорами; а изъ многочисленныхъ выкладокъ и сопоставленій выводятся на столько надежные результаты, что какъ монгольская, такъ и сѣверо-тибетская флоры отнынѣ могутъ считаться прочными научными пріобрѣтеніями. Желающихъ поближе ознакомиться съ результатами отсылаю къ самой статьѣ, но предупреждаю, что она отнюдь не можетъ быть названа легкимъ чтеніемъ. Въ систематической ботаникѣ обобщенія даются только послѣ многолѣтней, кропотливой работы, какъ коллекторовъ, такъ и ученыхъ. Подобно тому, какъ въ астрономіи толстые томы, на-

полненные цифрами; гдѣ каждая цифра уже является выводомъ изъ цѣлаго ряда наблюденій и вычисленій, служатъ лишь для прочнаго установленія элементовъ орбитъ какихъ-либо звѣздъ; а эти орбиты служатъ, въ свою очередь, только для новыхъ выкладокъ, въ окончательномъ же результатѣ, послѣ вѣковыхъ трудовъ, получается какая-либо научная истина, выраженная въ немногихъ словахъ,—такъ, хотя и въ гораздо меньшей мѣрѣ и далеко не съ такою математическою точностью, и въ систематической ботаникѣ нужно потратить много труда для установленія весьма немногихъ научныхъ положеній. Въ настоящемъ случаѣ главные результаты—объ остальныхъ умалчиваю—слѣдующіе.

Тибетское плоскогоріе оставалось въ неизмѣримый промежутокъ времени геологически нетронутымъ, подвергаясь одному дѣйствію климата и многовѣковому наслоенію приносимой постоянными вѣтрами съ сѣвера лёссовой пыли; Куэнлюнскій хребетъ, простирающійся во всю длину плоскогорья съ запада на востокъ, признается Рихтгофеномъ за древнѣйшій, какъ онъ выражается, за позвоночный столбъ Азіи. Если это справедливо, то и Гималай и монгольскія параллельныя между собою горныя цѣпи, геологически говоря, моложе. Тогда нѣтъ причины не признать и флору Тибета, насколько они состоитъ изъ самостоятельныхъ видовъ, за первобытную, сотворенную на мѣстѣ. Признаемъ ли мы ее за таковую, или примемъ, наоборотъ, что она составилась изъ выходцевъ, пришедшихъ изъ сосѣднихъ Тибету странъ, въ томъ отношеніи безразлично, что такъ или иначе, но Тибетская флора состоитъ въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ ближайшею сосѣдкою, флорою высоко-альпійскаго пояса Гималая, а отчасти со флорами монгольскихъ и южно-сибирскихъ хребтовъ, причемъ число такихъ близкихъ породъ по мѣрѣ удаленія къ сѣверу мало-по-малу уменьшается. Къ этому ядру тибетской флоры присоединился довольно сильный контингентъ обыкновенныхъ, такъ называемыхъ сѣверо-европейскихъ формъ, и судя по тому, что эти формы не успѣли еще видоизмѣниться, присоединеніе это произошло въ сравнительно недавнемъ прошломъ.

Особенно характернымъ для Тибета родомъ является Saussurea которой насчитывается около тридцати, большею частью миніатюрныхъ видовъ.

Характерные для Тибета виды въ общемъ многолѣтни и отличаются удивительно медленнымъ ростомъ. Приведу два примѣра. Семилѣтніе сѣянцы прелестнѣйшей Incarvillea compacta такъ малы, что пройдутъ, можетъ быть, еще семь лѣтъ до перваго цвѣтка, а круп-

ному экземпляру съ букетомъ въ дюжину цвѣтовъ и корнемъ толщиною въ дюймъ нужно дать лѣтъ пятьдесятъ, хотя онъ весь ростомъ въ четыре дюйма. Другой примѣръ еще поразительнѣе. Николай Михайловичъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи неоднократно упоминаетъ о мелкомъ растеніи Androsace tapete, образующемъ густые коврики до аршина въ поперечникѣ, похожіе на ситецъ съ мелкими цвѣточками. Такой коврикъ составляетъ, повидимому, одно цѣлое, слѣдовательно произросъ изъ одного сѣмени. Состоитъ онъ изъ тысячъ тѣсно скученныхъ стебельковъ въ дюймъ вышины. Каждый стебелекъ обсаженъ, какъ чешуей, мелкими листочками и иногда заканчивается цвѣточкомъ. Разсмотрѣвъ его внимательно, замѣчаешь, что ежегодно образуются всего по четыре листочка, на стебелькѣ же ихъ до тридцати и болѣе. Слѣдовательно, каждому стебельку по крайней мѣрѣ восемь лѣтъ. Положивъ, что каждый годъ стебелекъ даетъ по одному боковому отпрыску, спрашивается, сколько столѣтій потребуется для полученія коврика въ аршинъ въ діаметрѣ? Такъ и безлѣсное тибетское нагорье имѣетъ своихъ многовѣковыхъ, но не исполиновъ,—а карликовъ.

И монгольская флора должна быть признана весьма древнею. Весь сѣверъ Монголіи населенъ альпійскою растительностью, подобной той, какая извѣстна съ Алтая, Саяна и другихъ южно-сибирскихъ хребтовъ; югъ и востокъ Монголіи имѣютъ флору общую съ Маньчжуріею; вездѣ процентъ видовъ свойственныхъ одной Монголіи весьма невеликъ. Своеобразною, хотя и весьма скудною растительностью и болѣе выгоднымъ процентомъ характерныхъ видовъ въ Монголіи выдаются, повидимому, только узкая поперечная котловина по средней части восточной Монголіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ геологовъ, часть ложа бывшаго здѣсь когда-то обширнаго воднаго бассейна; а также громадная площадь сыпучихъ песковъ къ сѣверу отъ Желтой рѣки и вокругъ хребта Алашаня. Самый Алашань, зеленый, альпійскій оазисъ среди раскаленной пустыни, своею растительностью нѣсколько напоминаетъ Ганьсу.

Какъ Алашань, такъ и самыя характерныя части Монголіи и весь сѣверный Тибетъ—научныя завоеванія незабвеннаго путешественника, памяти котораго посвящено настоящее засѣданіе.

Отрадное чувство встаетъ въ душѣ при мысли, что въ продолженіи 30 съ небольшимъ лѣтъ наука обязана Россіи научнымъ пріобрѣтеніемъ такихъ обширныхъ странъ, какъ амурскій и уссурійскій край, Сахалинъ, Туркестанъ, Монголія и сѣверный Тибетъ. Въ первыхъ изъ нихъ вмѣстѣ съ военнымъ занятіемъ явились и ученыя экспедиціи,

и едва Европа успѣла узнать, что Амуръ принадлежитъ Россіи, какъ въ печати уже появились труды о флорѣ и фаунѣ его. Впечатлѣніе, особенно въ Англіи, было глубокое: труды эти были толчкомъ для изданія правительствомъ цѣлаго ряда колоніальныхъ флоръ. Еще болѣе глубокимъ уваженіемъ встрѣчены геройскіе подвиги Н. М. Пржевальскаго. Въ письмѣ сэра Джозефа Д. Гукера, знаменитаго путешественника, изслѣдовавшаго между прочимъ и Гималай до рубежа Тибета, письмѣ, написанномъ по поводу весьма заинтересовавшей его выше упомянутой статьи о флорѣ Монголіи и Тибета, онъ выразился о Пржевальскомъ, какъ едва ли не о первомъ научномъ путешественникѣ нашего времени, соединяющемъ военную отвагу съ многостороннею научною подготовкою и неимовѣрнымъ трудолюбіемъ. Ливингстонъ и Стэнли, пишетъ онъ, были отважными піонерами, но только съумѣли проложить на картѣ пройденные ими пути, для изученія же природы не сдѣлали ничего. Послѣ заслуженнаго Барта нужно даже было послать другого путешественника, чтобы проложить на картѣ маршруты его. Только Пржевальскій, заключаетъ онъ, соединялъ въ своемъ лицѣ отважнѣйшаго путешественника съ географомъ и натуралистомъ.

Николай Михайловичъ скончался на порогѣ Монголіи, готовый приступить къ пятому путешествію. Какъ бы предчувствуя свой конецъ, онъ помѣстилъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, кромѣ инструкцій, какъ путешествовать по средней Азіи, и перечисленіе задачъ, подлежащихъ исполненію, для болѣе основательнаго изученія пройденныхъ имъ странъ, скромно называя свои собственные труды научными рекогносцировками. Исполнимъ же послѣднее завѣщаніе его, найдемъ въ средѣ нашей отважныхъ и знающихъ путешественниковъ, готовыхъ закрѣпить за нами научное завоеваніе средней Азіи!

РѢЧЬ ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА

А. И. ВОЕЙКОВА.

Милостивые Государи.

Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ говорить столь же подробно о заслугахъ Николая Михайловича Пржевальскаго по изученію климата центральной Азіи, какъ гг. Штраухъ и Максимовичъ говорили о сдѣланномъ имъ для зоологіи и ботаники.

Н. М. Пржевальскій, въ описаніи своего четвертаго путешествія скромно называлъ себя лишь піонеромъ, дѣлающимъ, такъ сказать, лишь рекогносцировки въ неизвѣстныя дотолѣ мѣстности Азіатскаго материка, между тѣмъ какъ послѣ него придется еще много потрудиться для подробнаго изученія этихъ странъ.

Если понятно, что и такія рекогносцировки необыкновенно цѣнны для географіи въ видѣ сдѣланныхъ маршрутныхъ съемокъ, астрономическихъ опредѣленій и измѣреній высотъ, совершенно измѣнившихъ наше понятіе о географіи пройденной страны, если ботаническія и зоологическія коллекціи, собранныя экспедиціей Н. М. Пржевальскаго, пролили новый свѣтъ на ея флору и фауну, то спрашивается, могли ли „летучія“ наблюденія во время такихъ „рекогносцировокъ“ дать большой матеріалъ для познанія климата пройденной страны, когда извѣстно, какія продолжительныя наблюденія требуются для точнаго познанія климата страны?

Я утверждаю съ полнымъ убѣжденіемъ, что наблюденія и другіе труды во время четырехъ экспедицій Н. М. Пржевальскаго, вмѣстѣ съ замѣтками о климатѣ, разсѣянными въ текстѣ его отчетовъ, необычайно подвинули наши знанія о климатѣ центральной Азіи и еще болѣе подвинутъ, когда будутъ вполнѣ разработаны.

Все дѣло въ томъ, какія сдѣланы рекогносцировки и въ какой странѣ. Путешествія Н. М. Пржевальскаго были сдѣланы по странамъ, о климатѣ которыхъ мы, можно сказать, рѣшительно ничего не знали. Даже догадки и аналогіи тутъ не помогали.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, благодаря экспедиціямъ Н. М. Пржевальскаго, даже помимо его метеорологическихъ наблюденій, знанія наши о климатѣ обширныхъ частей Азіи радикально измѣнились.

Достаточно слѣдующаго примѣра. Во второе путешествіе Н. М. Пржевальскій нашелъ, что высокое нагорье Тибета простирается верстъ на 300 далѣе на сѣверъ, чѣмъ думали ранѣе. Если принять ширину этого пространства лишь въ 500 верстъ, то слѣдовательно, 150.000 квадратныхъ верстъ оказались принадлежащими къ нагорью болѣе 14.000 футовъ надъ уровнемъ моря, вмѣсто менѣе 3000 футовъ, какъ думали ранѣе.

Принимая круглымъ счетомъ увеличеніе высоты въ 3500 метровъ, и уменьшеніе температуры при поднятіи на 200 метровъ въ 1° Цельзія, оказывается, что средняя годовая температура пространства, равнаго слишкомъ 5 губерніямъ, въ родѣ Московской или Тульской, на 17,5 Ц°. ниже, чѣмъ предполагали. Это равняется разности годовой температуры южнаго берега Малой Азіи подъ 35°

сѣверной широты и Колы въ Архангельской губерніи подъ 68° сѣверной широты или Березова въ сѣверной части Тобольской губерніи и Баку на Каспійскомъ морѣ.

А это не единственный случай. Значительная часть экспедицій Н. М. прошла по нагорьямъ или сплошнымъ поднятіямъ, и въ зависимости отъ опредѣленныхъ высотъ должны были измѣниться и наши понятія о температурахъ данныхъ странъ.

Но это лишь одна сторона дѣла. Наблюденія Николая Михайловича и частные его выводы изъ нихъ проливаютъ новый свѣтъ на климатъ данныхъ странъ.

Изъ результатовъ перваго путешествія, метеорологическія наблюденія котораго напечатаны вполнѣ во второмъ томѣ книги „Монголія и страна Тангутовъ“ и далѣе разработаны мною въ статьѣ „Климатъ области муссоновъ Восточной Азіи“ [1]) дали мнѣ возможность заключить, что обширная полоса къ западу отъ собственнаго Китая имѣетъ еще климатъ муссоновъ, т. е. зимой СЗ. вѣтры, приносящіе ясную сухую погоду, лѣтомъ ЮВ., приносящіе дожди, обильные въ горахъ восточнаго Нань-Шаня (или горахъ Ганьсу).

Но это лишь общая схема. Наблюденія, а также необычайно живые разсказы нашего знаменитаго путешественника дали возможность выдѣлить весну восточной окраины нагорій Азіи, опредѣлить ея характеръ, какъ времени года съ частыми бурями и пыльными буранами, быстрыми переходами отъ тепла къ холоду и большой сухостью воздуха; кто изъ читавшихъ первое путешествіе Николая Михайловича не помнитъ его описанія монгольскихъ бурь!

Путешествіе въ СВ. Тибетъ было, конечно, важнѣйшей частью этой экспедиціи какъ въ чисто-географическомъ отношеніи, такъ и относительно познанія климата. Онъ посѣтилъ страну зимой, испыталъ страшный холодъ, бури и пыль, а между тѣмъ ему разсказывали, что лѣтомъ постоянные дожди, многія пространства непроходимы вслѣдствіе болотъ. Онъ провѣряетъ разсказы туземцевъ распространеніемъ галекъ на р. Муруй-Усу (верховья Голубой рѣки) и находитъ основаніе имъ вѣрить. Между первой и второй экспедиціями Н. М. Пржевальскаго, англичане сдѣлали метеорологическія наблюденія по пути изъ Индіи чрезъ Хотанъ въ Яркендъ и Кашгаръ и въ этихъ городахъ, т. е. на дальнемъ западѣ нагорій Центральной Азіи. Но и послѣ того, оставалось пространство около

---

[1]) Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1879 годъ, т. XV.

15° въ широту и долготу въ Центральной Азіи, отъ Тибета до Тянь-шаня и отъ Куку-нора и Муруй-усу до Хотана, пространство наполненное высокими нагорьями и громадными горными хребтами, климатъ котораго былъ совершенно неизвѣстенъ. Этотъ пробѣлъ суждено было въ значительной степени пополнить нашему знаменитому путешественнику.

Я уже коснулся одного изъ результатовъ второго путешествія— распространенія Тибетскаго нагорья далеко на сѣверъ. Изъ метеорологическихъ наблюденій и отчета о путешествіи чрезвычайно важно то, что близъ Лобъ-нора конецъ зимы и ранняя весна гораздо теплѣе, чѣмъ далѣе на востокъ на такой же высотѣ и въ особенности то, что здѣсь господствуютъ СВ. вѣтры, съ этого же направленія приходятъ и частыя весеннія бури. Изъ этого уже было ясно, что здѣсь другая климатическая область, чѣмъ далѣе на востокъ.

Третье путешествіе сначала также двигалось въ области сравнительно невысокихъ нагорій Центральной Азіи, изъ Зайсанскаго поста чрезъ Хами и Сачжеу къ западному Нань-шаню. До окраины этого хребта климатъ посѣщенныхъ странъ сходенъ съ тѣми, гдѣ экспедиція была во время второго путешествія.

Но затѣмъ идутъ чрезвычайно важныя открытія. Западный Нань-шань, хотя и значительно выше восточнаго (или горъ Гань-су), но необычайно сухъ. Н. М. Пржевальскій нѣсколько разъ возвращается къ этому обстоятельству въ текстѣ 3-го путешествія и метеорологическія наблюденія подтверждаютъ это вполнѣ. До тѣхъ поръ не было еще извѣстно столь сухого пустыннаго высокаго хребта.

Конецъ весны и первую половину лѣта экспедиція провела въ горной странѣ по верховью Желтой рѣки; здѣсь дожди идутъ при ЗСЗ. вѣтрахъ, а недалеко отсюда, въ восточномъ Нань-шанѣ—при ЮВ. По поводу климатическихъ условій этой страны Н. М. сдѣлалъ весьма важное научное обобщеніе: а именно что первыя области нужно еще причислить къ области индійскихъ муссоновъ; это объясняется, по его мнѣнію, тѣмъ, что въ Индіи горные склоны чрезвычайно сильно нагрѣты и влажны лѣтомъ, а меньшая высота СЗ. Гималая позволяетъ переходъ воздуха на сѣверъ.

Въ описаніи 4-го путешествія эта блестящая гипотеза была развита далѣе, такъ какъ наблюденія экспедиціи на нагорьѣ Тибета вполнѣ подтвердили ее, показавъ, что лѣто здѣсь необычайно дождливо, причемъ тучи приносятся съ запада. Эти лѣтніе дожди, частью и снѣга, и постоянная сырость были чрезвычайно тягостны

для экспедиціи, какъ извѣстно изъ сообщеній Н. М. въ нашемъ Обществѣ и описанія 4-го путешествія.

Дальнѣйшій путь экспедиціи въ урочище Гасъ и зимняя экспедиція оттуда къ оз. Незамерзающему и въ Долину Вѣтровъ много прибавили къ нашимъ знаніямъ о климатѣ этой части Азіатскаго нагорья. Особенное значеніе я придаю свѣдѣніямъ о рѣшительномъ преобладаніи здѣсь З. вѣтровъ, затѣмъ еще съ большею опредѣленностью, чѣмъ прежде, Н. М. отдѣляетъ нагорья болѣе восточныя, обильно орошаемыя лѣтними дождями (и снѣгами), отъ болѣе сухихъ западныхъ, или точнѣе собственно центральныхъ.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ экспедиціи очень любопытны извѣстія о ежедневныхъ лѣтнихъ дождяхъ въ Керійскихъ горахъ.

О Н. М. Пржевальскомъ справедливо замѣтили, что онъ держался правила „вѣкъ живи, вѣкъ учись". Во время перваго путешествія онъ собралъ большой зоологическій матеріалъ, а послѣ него такъ серьезно занялся изученіемъ млекопитающихъ и птицъ, что сдѣлался не только коллекторомъ, но и зоологомъ. Такой же успѣхъ видѣнъ въ его отчетѣ о третьемъ путешествіи по части метеорологіи и климатологіи. Онъ уже сталъ не только собирателемъ матеріала, но ему принадлежатъ гипотезы, цѣнныя для науки.

Какъ уже ранѣе замѣчено мною, лишь часть обширнаго матеріала, собраннаго Н М. Пржевальскимъ, сколько нибудь разработана. По желанію покойнаго, я принялъ на себя приготовленіе къ печати маршрута и метеорологическихъ наблюденій его четырехъ путешествій и ихъ дальнѣйшую разработку. Перепечатаніе наблюденій перваго путешествія было необходимо, такъ какъ книга „Монголія и страна Тангутовъ" стала библіографической рѣдкостью. Принимаясь съ большимъ удовольствіемъ за этотъ трудъ, я надѣялся, что не разъ еще мнѣ придется заняться разработкой наблюденій нашего знаменитаго путешественника.

Изданіе будетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала будутъ напечатаны маршрутъ и метеорологическіе дневники всѣхъ 4-хъ путешествій, затѣмъ замѣтки о климатѣ и погодѣ, разсѣянныя въ текстѣ описанія 4 путешествій и наконецъ моя статья о климатѣ центральной Азіи отъ сѣвернаго Тибета и Куэнлуня на югѣ до Алтая и Саяна на сѣверѣ и отъ границъ собственнаго Китая на востокѣ до Памира на западѣ. Главный матеріалъ для этого доставятъ путевыя наблюденія Н. М. Пржевальскаго, но я воспользуюсь и другими, именно наблюденіями Г. Н. Потанина въ Кобдо и другихъ мѣстахъ, а также очень немногими постоянными метеорологическими стан-

ціями на крайнемъ сѣверѣ, востокѣ и западѣ означеннаго пространства.

Маршрутъ и метеорологическій дневникъ будутъ снабжены, кромѣ русскихъ, еще французскими заголовками и примѣчаніями.

Для оцѣнки сдѣланнаго Пржевальскимъ для увеличенія нашихъ знаній о климатѣ Азіи замѣчу слѣдующее: пока продолжались его путешествія, просвѣщеннѣйшія и богатѣйшія страны западной Европы соперничали въ изученіи Африки. Конечно, и изученію климата этой части свѣта было удѣлено мѣсто, но наши знанія о климатѣ Африки подвинулись менѣе трудами этихъ многочисленныхъ путешественниковъ, чѣмъ наши знанія о климатѣ центральной Азіи свѣдѣніями, собранными однѣми 4-мя экспедиціями Н. М. Пржевальскаго.

Закончу еще слѣдующимъ. Ни въ Африкѣ, ни вокругъ сѣвернаго полюса невозможны уже такія открытія относительно климата посредствомъ „экспедицій піонеровъ". Есть лишь одна страна земного шара, которая остается еще настолько terra incognita, что обѣщаетъ въ этомъ отношеніи такіе же лавры; это—страна вокругъ южнаго полюса, но, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если найдутся путешественники съ столь же высокими качествами, которыя дали возможность Н. М. Пржевальскому въ короткое время сдѣлать такъ много для изученія центральной Азіи.

Выписка изъ журнала засѣданія С.-Петербургской городской Думы, состоявшагося 24 октября 1888 года.

Городскимъ Головою сообщено, что 20 сего октября въ г. Караколѣ, въ Семирѣченской области, скончался почетный гражданинъ города С.-Петербурга Николай Михайловичъ Пржевальскій, и что по этому поводу внесено въ городскую Думу отъ имени нѣсколькихъ гласныхъ предложеніе слѣдующаго содержанія:

„20-го сего октября въ г. Караколѣ, въ Семирѣченской области, скончался знаменитый русскій путешественникъ Николай Михайловичъ Пржевальскій.

„Въ теченіе двадцати лѣтъ (1867—1886 гг.). Николай Михайловичъ совершилъ четыре громаднѣйшихъ путешествія въ Среднюю Азію, причемъ, проникнувъ въ такія страны, гдѣ еще не была нога европейца, совершилъ рядъ величайшей важности открытій въ области наукъ: физической географіи, этнографіи, зоологіи, ботаники, геологіи и представилъ массу свѣдѣній, важныхъ для нашего отечества, въ военныхъ, политическихъ и торговыхъ отношеніяхъ Россіи къ Китаю и сопредѣльнымъ ему странамъ.

„Въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Александръ II и нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ почтили высокимъ благоволеніемъ и Высочайшими наградами заслуги славнаго русскаго путешественника. Высшія ученыя учрежденія въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Буда-Пештѣ, Римѣ, Стокгольмѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ и иныхъ городахъ—соревнуя въ признаніи великихъ заслугъ русскаго путешественника—возвели Пржевальскаго въ почетные члены.

„Родной его городъ Смоленскъ, а затѣмъ С.-Петербургъ, въ которомъ получилъ Пржевальскій высшее образованіе, возвели его въ 1881 году въ почетные свои граждане.

„Нынѣ, когда смерть столь неожиданно лишила Россію одного изъ достойнѣйшихъ ея сыновъ, одного изъ мощныхъ ея богатырей въ области науки и знанія, — представителямъ петербургскаго городскаго общественнаго управленія подобаетъ быть выразителями глубокаго уваженія и признательности къ памяти опочившаго своего почетнаго согражданина.

„Въ виду этого нижеподписавшіеся гласные имѣютъ честь предложить собранію Думы:

„I. Поставить въ городской читальнѣ поясной портретъ почетнаго гражданина города С.-Петербурга Николая Михайловича Пржевальскаго.

„II. Наименовать два изъ вновь предполагаемыхъ къ открытію въ 1889 году городскихъ училищъ — именемъ Николая Михайловича Пржевальскаго.

„III. Въ ближайшемъ засѣданіи Императорскаго Географическаго Общества выразить, чрезъ посредство г. городскаго Головы, глубокое сочувствіе къ особенно тяжкой потерѣ, испытанной Обществомъ, лишившимся съ кончиною почетнаго его члена Николая Михайловича Пржевальскаго—величайшаго русскаго путешественника, слава открытій котораго поистинѣ всемірная“.

Подписали гласные С.-Петербургской городской Думы: М. И. Семевскій, Н. А. Варгунинъ, Е. И. Кавосъ, А. А. Шландеръ, Н. Н. Кусовъ, Д. П. Шубинъ-Поздѣевъ, С. Н. Назаровъ, Ф. А. Андреевъ, И. И. Кокинъ, М. И. Поповъ, Н. А. Трусовъ, Ф. К. Санъ-Галли, А. И. Бландовъ, В. В. Романовъ, А. В. Жадовскій и И. И. Домонтовичъ.

По поводу изложеннаго предложенія городской Голова сообщилъ, что Петербургская городская Дума, во вниманіе къ ученымъ полезнымъ трудамъ и заслугамъ нашего путешественника Николая Михайловича Пржевальскаго, по постановленію 14 января 1881 г. избрала его почетнымъ гражданиномъ города С.-Петербурга, на что и послѣдовало 21 января 1881 года Высочайшее соизволеніе. Кромѣ того городская Дума тогда-же положила поставить портретъ Николая Михайловича въ одной изъ залъ Думы. Получивъ извѣщеніе о такомъ постановленіи, Николай Михайловичъ Пржевальскій писалъ бывшему городскому Головѣ слѣдующее:

„Глубоко тронутый столь лестнымъ для меня почетомъ, я поз-

воляю себѣ просить Васъ, Милостивый Государь, передать гг. гласнымъ Думы мою искреннюю признательность.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшаюсь откровенно объяснить, что былъ-бы весьма счастливъ, еслибы взамѣнъ постановки моего портрета, городская Дума нашла возможнымъ употребить ассигнованныя на то деньги для цѣлей благотворительныхъ, напримѣръ, для устройства стипендіи при одномъ изъ здѣшнихъ реальныхъ училищъ, или на призрѣніе сиротъ воиновъ, убитыхъ въ минувшую войну, и проч.“.

Вотъ причина, продолжалъ городской Голова, по которой портретъ Николая Михайловича Пржевальскаго въ залѣ Думы поставленъ не былъ. Затѣмъ, въ 1886 г., когда Николай Михайловичъ вернулся въ Петербургъ изъ послѣдняго своего путешествія, согласно выраженному Думою въ ея постановленіи желанію, городской Голова отъ лица городскаго общества привѣтствовалъ Николая Михайловича въ торжественномъ засѣданіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и затѣмъ просилъ его ознакомить гг. гласныхъ съ результатами его путешествія въ Среднюю Азію. — Изъявивъ на это согласіе и поблагодаривъ Думу за оказанное ему вниманіе, Николай Михайловичъ, для удовлетворенія многочисленныхъ, обращенныхъ къ нему, предложеній о сообщеніи результатовъ его путешествія, выразилъ желаніе, чтобы его чтеніе въ залѣ Думы было публичное и чтобы незначительная плата за входъ была обращена въ пользу одного изъ городскихъ общественныхъ учрежденій, которому онъ вполнѣ сочувствуетъ, а именно на устройство первой городской безплатной читальни.

Съ двухъ чтеній Николая Михайловича Пржевальскаго въ залѣ Думы было собрано около 800 р., и, согласно желанію жертвователя, эта сумма употреблена на устройство первой городской безплатной читальни.

Постановка портрета Николая Михайловича въ этой читальнѣ, которая обязана, въ значительной степени, своимъ существованіемъ Николаю Михайловичу, представляется вполнѣ умѣстною, также какъ и остальныя части предложенія гг. гласныхъ, внесеннаго въ сегодняшнемъ засѣданіи.

По выслушаніи вышеизложеннаго, Собраніе единогласно постановило:

1) Выразить брату покойнаго почетнаго гражданина города С.-Петербурга, Николая Михайловича Пржевальскаго, отъ имени городской Думы, глубочайшее чувство соболѣзнованія о такой тяжкой утратѣ;

2) Поставить въ первой городской читальнѣ поясной портретъ Николая Михайловича Пржевальскаго;

3) Наименовать два изъ вновь предполагаемыхъ къ открытію въ 1889 г. городскихъ училищъ—именемъ Николая Михайловича Пржевальскаго;

4) Въ ближайшемъ засѣданіи Императорскаго Географическаго Общества выразить, чрезъ посредство городскаго Головы, глубокое сочувствіе къ тяжкой потерѣ, понесенной обществомъ, лишившимся съ кончиною покойнаго его члена Николая Михайловича Пржевальскаго—одного изъ знаменитыхъ русскихъ путешественниковъ, труды и открытія котораго пріобрѣли всемірную извѣстность.

Съ подлиннымъ вѣрно: С.-Петербургскій Городской Голова

Владиміръ Лихачевъ.

Съ подлиннымъ свѣрялъ: С.-Петербургскій Городской Секретарь

Соловьевъ.

Адресъ Парижскаго Географическаго Общества.

Paris, le 8 Novembre 1888.

Monseigneur,

C'est avec un profond regret, que la Société de Géographie de Paris a appris la mort inattendue du Général Prjevalsky, l'un de ses membres Correspondents étrangers.

Elle nous charge d'exprimer à la Société Imperiale géographique Russe ses vives sympathies pour la perte qu'elle vient d'éprouver en la personne de l'un des plus illustres explorateurs de notre époque. Cette perte sera également ressentie par tous ceux qu'intéresse la géographie asiatique aux progrès de laquelle le Général Prjevalsky avait si largement contribuè.

Daignez agréer, Monseigneur, l'expression de nos sentiments respectueux.

Le Secretaire général
C. Maunoir.

Le Président
de la Commission Centrale
M. Hamy.

Le Président de la Société
Membre de l'Institut
C-te Ferd. de Lesseps.

A Son Altesse Imperiale Monseigneur le Grand Duc Constantin Nicolaévitch, Président de la Société Impériale géographique russe à St.-Petérsbourg.

ПОСЛѢДНІЕ ЧАСЫ ЖИЗНИ

Николая Михайловича Пржевальскаго [1]).

(Перепечатано изъ „Русскаго Инвалида“).

Спѣшу нѣсколько подробнѣе сообщить вамъ о несчастіи, постигшемъ экспедицію. Дѣло было такъ:

4-го октября пріѣхали мы съ Николаемъ Михайловичемъ въ Пишпекъ изъ Вѣрнаго, куда ѣздили вдвоемъ за серебромъ и по другимъ дѣламъ. Не доѣзжая одной станціи до Пишпека, дорогою видѣли массу фазановъ, которые искусили Николая Михайловича отправиться 5-го числа на охоту. Охота была удачная по числу убитой дичи (Николай Михайловичъ убилъ 16 фазановъ), но несчастная по послѣдствіямъ.

Уже совсѣмъ вечеромъ Николай Михайловичъ пришелъ усталый и вспотѣвшій на станцію, напился холодной воды и легъ спать. Утромъ, передъ отъѣздомъ домой (т. е. на бивакъ въ Пишпекъ), мы снова поохотились. Въ Пишпекѣ прожили до 7-го числа и затѣмъ отправились въ Караколъ, куда пріѣхали 10-го октября и помѣстились въ отведенномъ домѣ. Здѣсь было замѣтно, что Николай Михайловичъ какъ-то „не по себѣ“ выглядитъ; онъ жаловался всѣмъ на неудобство помѣщенія, на скуку и высказывалъ желаніе простора. 14-го октября онъ рѣшилъ перекочевать въ юрты за городъ, поближе къ горамъ, къ охотѣ, а главное на свободу, ближе къ природѣ. На наше несчастіе, почти вслѣдъ за пе-

---

[1]) Изъ письма постояннаго спутника нашего знаменитаго путешественника и одного изъ близкихъ ему людей, В. Роборовскаго, изъ Каракола, отъ 24-го октября, на имя генералъ-лейтенанта Ѳ. А. Фельдмана.

ремѣщеніемъ, въ ночь съ 14-го на 15-е число, выпалъ глубокій снѣгъ и ударилъ морозъ. Утромъ 15-го октября Николай Михайловичъ сталъ жаловаться на нездоровье. Мы убѣдили его пригласить доктора, на что онъ согласился, и я привезъ на бивакъ доктора 5-го линейнаго Западно-Сибирскаго баталіона Крыжановскаго. Докторъ нашелъ Николая Михайловича настолько больнымъ, что призналъ невозможнымъ оставаться для него въ юртѣ и уговорилъ Николая Михайловича перебраться въ теплый баракъ глазного лазарета.

18-го октября мы перебрались въ этотъ баракъ, но здѣсь состояніе здоровья его стало уже плохо и внушало намъ серьезныя опасенія. Докторъ все увѣрялъ насъ въ благопріятномъ исходѣ болѣзни, но что-то предчувствовалось и безпокоило насъ; мы эту ночь продежурили у него, не спавши. Часу во второмъ ночи ему стало такъ плохо — температура повысилась до $+40^{\circ}$ и пульсъ сталъ почти незамѣтнымъ—что мы послали за докторомъ, который вмѣстѣ съ фельдшеромъ провели у насъ ночь и прослѣдили приступъ лихорадки. Послѣ этого пароксизма Николай Михайловичъ потѣлъ три часа очень сильно; потъ лился ручьемъ съ лица и приходилось ежеминутно вытирать его полотенцемъ; потѣлъ еще два часа, но нѣсколько слабѣе; затѣмъ больной уснулъ немного, часа на $1^{1}/_{2}$ не болѣе. Всѣ заботы доктора были: не допустить приступа новаго пароксизма. Въ теченіе дня докторъ былъ три раза; дежурилъ фельдшеръ.

Николай Михайловичъ и этотъ день провелъ неспокойно: на лѣвомъ боку лежать онъ не могъ, потому что тотчасъ же показывалось кровотеченіе носомъ и унять его было трудно; кромѣ того, оно сильно ослабляло его; правый же бокъ онъ отлеживалъ; лежать на спинѣ ему было не ловко и тяжело дышать; полнота живота давила грудь (вообще, онъ все время жаловался на свою полноту, которая мѣшала ему ворочаться самому). Все таки, при пособіи доктора, день прошелъ безъ пароксизма.

Вечеромъ, 19-го октября, больному было чуть легче, но часовъ съ 10 опять онъ началъ безпокоиться; въ 12 часовъ пошла сильно кровь носомъ, которую унять сами, съ помощью дежурнаго фельдшера, мы никакъ не могли: привезли доктора и уже только онъ помогъ намъ. Послѣ кровотеченія, температура стала повышаться и для пониженія ея вытерли все тѣло уксусомъ съ водой, чтобы вызвать испарину; на головѣ держали ледъ. Больному стало немного легче. Николай Михайловичъ сдѣлалъ нѣсколько своихъ

послѣднихъ распоряженій относительно слободы, нѣкоторыхъ своихъ вещей и хотѣлъ еще что-то передать важное и спрашивалъ доктора: проживетъ ли онъ до утра? Докторъ его успокоилъ. Тогда Николай Михайловичъ сказалъ: „Ну, остальное завтра; пошлемъ телеграммы. Объ одномъ прошу не забыть, чтобы похоронили меня непремѣнно на берегу Иссыкъ-Куля, въ походной экспедиціонной формѣ; снять съ меня фотографію для родныхъ, съ Ланкастеромъ, который на память даю Роборовскому; Перде—Козлову“.

Затѣмъ, Николай Михайловичъ говорилъ доктору, чтобы не скрывать отъ него близости смерти, ибо онъ ея не боится нисколько и много разъ стоялъ лицомъ къ лицу съ ней; бранилъ насъ и называлъ „бабами“, если у кого замѣчалъ слезы на глазахъ; потомъ успокоился и сказалъ, что чувствуетъ себя хорошо, только животъ его безпокоитъ.

Такъ прошла ночь на 20-е октября до 5 часовъ, когда Николай Михайловичъ заснулъ, но не надолго, не больше какъ часа на $1^1/_2$. Измученный двумя ночами и днями, докторъ уснулъ на это короткое время, тутъ же, на полу. Въ 7-мъ часу утра жаръ усилился, температура была $+40,5^\circ$. Мы снова его вытирали уксусомъ. Мучился Николай Михайловичъ сильно; опять наступилъ пароксизмъ.

Мы послали за другимъ докторомъ, Барсовымъ, который уже былъ раньше: его привозилъ докторъ Ивановъ для консультаціи; но Барсовъ уже не засталъ Николая Михайловича въ живыхъ.

Бредъ, преимущественно объ экспедиціи, все усиливался; на моменты больной приходилъ въ сознаніе, но это только на моменты. Лежалъ онъ на боку, закрывъ лицо рукою; по выраженію нижней части лица видно было, что онъ плачетъ. Затѣмъ, Николай Михайловичъ вскочилъ, сталъ на ноги, поддерживаемый нами и старыми солдатами, постоялъ нѣсколько моментовъ, посмотрѣлъ на всѣхъ и сказалъ: „Теперь я лягу“. Ему помогли лечь, но вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько глубокихъ, сильныхъ вздоховъ были послѣдними и унесли его отъ насъ.

Докторъ бросился растирать грудь его холодной водой; я положилъ туда же полотенце со снѣгомъ, не было уже поздно: лицо и руки стали желтѣть...

Никто не могъ совладать съ собою; что дѣлалось съ нами—я не берусь и писать вамъ. Докторъ не выдержалъ этой картины,—картины ужаснаго искренняго горя; всѣ рыдали въ голосъ, рыдалъ и докторъ.....

Тутъ же пріѣхали докторъ Барсовъ съ докторомъ Мандвѣтовымъ; они опоздали со своими знаніями: сила выше знаній человѣческихъ осиротила насъ!

Дали сейчасъ же знать командиру баталіона, командиру батареи и уѣздному начальнику; всѣ они все время съ большимъ участіемъ относились къ болѣзни покойнаго и къ намъ. Также прибыли они со своими утѣшеніями; но утѣшенія въ минуты искренняго горя только увеличиваютъ его; горевать на-единѣ легче какъ-то. Подполковникъ Корольковъ (командиръ батареи) принялъ на себя трудъ написать телеграммы кому слѣдуетъ и отправилъ ихъ.

Многіе изъ старыхъ солдатъ тоже было заболѣли, но теперь поправились уже.

По объясненію докторовъ, у Николая Михайловича былъ брюшной тифъ; температура высокая—ее не выдерживало ожирѣвшее сердце; понижать ее было невозможно, ибо тотчасъ же являлось кровотеченіе; слѣдовательно, необходимо было понизить температуру, но безъ кровотеченія; послѣднее въ данномъ случаѣ было невозможно.

На панихидахъ присутствуютъ всѣ служащіе офицеры и чиновники; всѣ сочувствуютъ нашей утратѣ, считая ее утратой всей Россіи и своей; всѣ стараются помочь намъ, кто чѣмъ можетъ и раздѣлить наши заботы по погребенію, чтобы послѣднее было, при мѣстныхъ условіяхъ, особенно почетно и достойно выполнено.

Вчера (21-го октября) ѣздили на озеро уѣздный начальникъ, полковникъ Корольковъ, я и Козловъ; взяли съ собой другихъ прежнихъ сподвижниковъ Николая Михайловича: Нефедова, Иванова, Безсонова, Телешова, Дорофеева и Протопопова, чтобы сообща, семейнымъ (а мы дѣйствительно составляли самую тѣсную семью) совѣтомъ выбрать мѣсто послѣдняго упокоенія своего главы. Выбрали мѣсто ровное на берегу Иссыкъ-Куля, на обрывѣ около лагеря. Иссыкъ-Куль видѣнъ весь вдоль до Буамскаго ущелья—дорога на родину—это видъ на западъ; на югъ—Караколъ въ 12-ти верстахъ и лѣсное красивое ущелье; на востокъ—проходъ въ Кашгарію, на сѣверъ—хребетъ, отдѣляющій Иссыкъ-Куль отъ Вѣрнаго. Мѣсто это будетъ видно также отовсюду и верстахъ въ двухъ отъ почтовой дороги. Каракольцы всѣ непремѣнно хотятъ развести на мѣстѣ этомъ садъ, такъ какъ покойный всегда любилъ сады—и отъ почтовой дороги до сада сдѣлать бульваръ. Это легко выполнимо при силѣ мѣстной растительности.....

Миръ праху почившаго и вѣчная ему память!

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦІЙ
Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

I. УЖЕ ОБНАРОДОВАННЫЕ:

Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ. Съ картою. Спб. 1870. Ц. 2 р. 25 к.

Издано на средства автора.

—

Монголія и страна Тангутовъ. Трехлѣтнее путешествіе въ Восточной нагорной Азіи. Т. I. Съ двумя картами. Спб. 1875. Ц. 3 р. Т. II. Съ 20 хромолитографированными и 11 литографированными таблицами. 1876. Ц. 10 р. (Изданіе распродано).

Отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ. Съ картою Лобъ-Нора. Спб. 1878. Ц. 75 к. (Изданіе распродано).

Изданы на средства И. Р. Г. О.

—

Третье путешествіе въ Центральной Азіи. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. Съ 3 картами, 108 таблицами рисунковъ и 10 политипажами въ текстѣ. Спб. 1883. Ц. 7 р.

Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-Норъ по бассейну Тарима. Съ 3 картами, 29 фототипіями и 3 политипажами. Спб. 1888. Ц. 5 р.

Изданы на средства Высочайше дарованныя.

II. НАХОДЯЩІЕСЯ ВЪ РАЗРАБОТКѢ:

А. Отдѣлъ Метеорологическій:

Маршруты и метеорологическіе дневники,

обработываются профессоромъ А. И. Воейковымъ;

Б. Отдѣлъ Ботаническій,

разработывается академикомъ К. И. Максимовичемъ,

Т. I — Flora Tangutica,

Т. II — Enumeratio plantarum hucusque e Mongolia notarum —

ИМѢЮТЪ БЫТЬ ИЗДАНЫ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

НА СРЕДСТВА ВЫСОЧАЙШЕ ДАРОВАННЫЯ.

В. Отдѣлъ Зоологическій:

Т. I — Млекопитающія,
обработываются Е. А. Бихнеромъ;

Т. II — Птицы,
обработываются Ѳ. Д. Плеске;

Т. III — Холодно-кровныя животныя:

1) Гады,
обработываются акад. А. А. Штраухомъ;

2) Рыбы,
обработываются С. М. Герценштейномъ,—

ИЗДАЮТСЯ
ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ
НА СРЕДСТВА
ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА.

НАСѢКОМЫЯ,

обработываются разными лицами подъ общимъ наблюденіемъ вице-предсѣдателя И. Р. Г. О.—П. П. Семенова

Чешуекрылыя —
издаются на средства
Его Императорскаго Высочества Великаго Князя
НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА,

Прочія семейства насѣкомыхъ —
Русскимъ Энтомологическимъ Обществомъ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

11-го сего марта

ВЫСОЧАЙШЕ СОИЗВОЛИЛЪ

НА ПЕРЕИМЕНОВАНІЕ ГОРОДА КАРАКОЛА, СЕМИРѢЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЪ

ПРЖЕВАЛЬСКЪ

ДЛЯ УВѢКОВѢЧЕНІЯ

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

ПРЖЕВАЛЬСКАГО

(«Правительственный Вѣстникъ» № 58 за 1889 годъ).

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Статья И. П. Минаева. Н. М. Пржевальскій (Некрологъ) 3

Curriculum Vitae Н. М. Пржевальскаго 6

Рѣчи произнесенныя въ чрезвычайномъ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 9 ноября 1888 г., посвященномъ памяти Николая Михайловича Пржевальскаго 11

Рѣчь вице-предсѣдателя И. Р. Г. Общ. П. П. Семенова . . . . —

Рѣчь ординарнаго академика А. А. Штрауха 27

Рѣчь ординарнаго академика К. И. Максимовича 35

Рѣчь ординарнаго профессора А. И. Воейкова 45

Постановленіе С.-Петербургской городской думы 51

Адресъ Парижскаго Географическаго Общества 55

Послѣдніе часы жизни Н. М Пржевальскаго 56

Результаты экспедицій Н. М. Пржевальскаго 60

Высочайшее повелѣніе 11-го марта 1889 г. 63

University of British Columbia Library
DUE DATE

ET-6

3-/1080 Ф

СОЧИНЕНІЯ

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ. Съ картою. Спб. 1870. Ц. 2 р. 25 к. Складъ изданія въ Географическомъ и книжномъ магазинѣ А. А. Ильина. Спб., Екатерининская ул., 3.

Монголія и страна Тангутовъ. Трехлѣтнее путешествіе въ Восточной нагорной Азіи. Т. I. Съ двумя картами. Спб. 1875. Ц. 3 р. Т. II. Съ 20 хромолитографированными и 11 литографированными таблицами. 1876. Ц. 10 р. (Изданіе распродано).

Отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ. Съ картою Лобъ-Нора. Спб. 1878. Ц. 75 коп. (Изданіе распродано).

Третье путешествіе въ Центральной Азіи. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. Съ 3 картами, 108 таблицами рисунковъ и 10 политипажами въ текстѣ. Спб. 1883. Ц. 7 р.

Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-Норъ по бассейну Тарима. Съ 3 картами, 29 фототипіями и 3 политипажами. Спб. 1888. Ц. 5 р.

Складъ послѣднихъ двухъ сочиненій, изданныхъ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ на Высочайше дарованныя средства, въ помѣщеніи Общества—Спб., зданіе Министерства народнаго просвѣщенія, у Чернышева моста.

Обращающіеся за изданіями Общества непосредственно въ Общество пользуются уступкою въ 20% при требованіи менѣе 5 экземпляровъ одного сочиненія и въ 30% при требованіи 5 и болѣе экземпляровъ. Требованія и письма адресуются: Спб. Въ Императорское Русское Географическое Общество.

63534

UNIVERSITY OF B.C. LIBRARY
3 9424 02124 9005